

Его произведения находятся в Русском Музее в Третьяковской галерее, в музеях Рима, Венеции, Милана и Люксембургском музее, в картинных галереях Вены, Праги, Брюсселя, Мальме, Стокгольма, Гельсингфорса, Копенгагена, Лондона, Чикаго, Сан-Франциско, Бенареса, Алакабада. В Нью-Йорке 24 марта 1924 г. был открыт музей его имени, где помещаются его картины, собранные уже в количестве около тысячи сорока. Он - археолог, член Российской Академии Искусств, директор Школы Поощрения Художеств, почетный член многих русских и иностранных художественных, научных и литературных обществ. Выехав из России в 1916 г., он устраивает свои выставки в Финляндии, доезжает до Лондона, продаёт картины и приезжает в Америку, где после 40 выставок своих произведений дается "другой Америки" и создает два огромных культурных предприятий, почетным президентом которых и по сие пору состоит, это: "Институт Соединенных Искусств" и "Корона Мунди", центр международного искусства. 7-го мая 1924 г. им учреждается книгоиздательство "Алатас" /слово сибирское и обозначает "Белый камень"/. Он археолог, исследователь курганов, коллекционер старинных картин и предметов каменного века, автор многих трудов по вопросам искусства и археологии. Уезжал из России, он оставляет там коллекцию по археологии из 75000 предметов, лично или собранных и классифицированных. На всех европейских языках о нем существует богатая литература. Он страстный путешественник по Востоку. Изучил тайны Тибета, изездил Гималаи, посетил те места Индии, куда не проникал, ни один европейский художник. В Индии он пользуется исключительным уважением и любовью: Знаменитый поэт Рабиндраната Тагор, его друг, написал ему: "твои картины безконечно меня завораживали. Они заставили вскрыть в моей душе то, что находится в душе каждого человека; безграничную силу прауды, без которой немыслима жизнь". В 1924 г. вышла его глубоко интересная и содержательная книга, "Пути благословения", свидетельствующая о необыкновенном постижении им тайн восточного мироощущения и одновременно обрисовывающая благородный облик ее автора.

Таков Николай Константинович Рерих. Таков об'ем и значение его деятельности

во славу русского искусства, которое он разнес по всему миру, благодаря качеству и количеству /более трех тысяч картин, а с эскизами, этюдами до пяти тысяч / своих произведений. Пример жизни, полной неустанных труда, развития своего таланта, всех своих творческих сил, об⁹их страсти служения искусству, а следовательно, красоте и правде на великую радость всем "сынам человеческим."

11.

Весьма понятно, что человек, сделавший так много, несмотря на сравнительно молодой свой возраст /род 1874г./, не может не интересовать нас, как определенная личность. Другими словами, нам очень важно познакомиться с его мировоззрением и как человека, и как художника. Такое знакомство лишь способствует уяснить его творчество и пути, по которым оно развивалось. В этом отношении книга его "Пути благословения" многое поможет нам.

Она прежде всего рисует нам Н. Рериха, как истинного жреца искусства, глубоко постигнувшего сущность последнего и значение его в деле утверждения жизни, построенной на началах красоты и правды, об⁹ единенных великой любовью к человечеству, потрясенному событиями общественных и космических катастроф.

"Сейчас надо подумать об искусстве, - пишет он, - Сейчас надо ощутить и утвердить этот высший проводник Духа Утешителя... Жизнь наполнилась мертвными подделками... Возненавидели старых... И ненависть породила злобную беспомощность. Бризгал ядовитой слизью разложения, бросаясь создавать новые теории... распределении искры Божества по склонам и насквозь этикеты... Раздробленность дошла до предела... Одни были порабощены симметрией, другие искали лишь форму, третий только краски... Самодовольно и грубо разделили искусство на высшее, декоративное, прикладное... Извратили понятие реальности. Разрубили единое древо. "Бедные они", - как сказал о них один большой художник... Они забыли о гармонии. Они забыли, что таинственная прелесть искусства, - его убедительность кроется в путях его возникновения. Откуда придет, на том языке и говорят /будет...

"Не кажется ли вам странным, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, все-таки могут быть действительно выражены такие еще далекие понятия, как любовь, благо, совершенство, и будут применены к жизни именно в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность выражения будут соответствовать неизмеримости величия Космоса — то это путь истинный. Простота — непременное качество гармонии. Творчество будущего будет основано на простоте. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью.

"Сейчас радость об искусстве звучит странно. Многие говорят об искусстве и так мало вносят искусство в жизнь... Будем, хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства, без которого нет счастья в жизни... Распросите людей, много-ли они сделали для искусства? И много-ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед ними..."

"Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние — радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребенка. Убегите от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений... Откройте ребенку пути благословения!..."

Так может говорить человек, жизнь которого немыслима вне сферы искусства, в которую он проник, и в которой он так много увидел необходимого для устройства нашей "разбазаренной жизни", как может быть, никто до него...

Конечно, духовное развитие такого человека немыслимо без страстного его "принадлежания" к "чаше" родной земли. Мы находим в его книге гимн этой "чаше", которую он называет "неотлитой".

"Мы не хотели знать возможностей своей земли и народа... Припадая к земле, мы синими. Земля говорит: все пройдет, потом хорошо будет..."

"Причудлив в Новгородской земле леса величии деревьями. Цветочки травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озер. Бури и холмы. Крутые, пологие, мши-

стые, камни. Камни стадами навалены. Всяких отливов... Любой выбирай! Все нетронуте, все ждет... Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут безлюдечными далями. Бездают путевыми знаками - храмами... По городицам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно не время еще... Пройдет испытание! Военародная, всетрудовая, крепкая делом Русь страшает пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные. Точно неотынтал чала стоит Русь. Неотынтал чала, - полный целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка...

Н. Рерих по матери - скандинавин, а по отцу - потомок выходцев из Скандинавии. Вырос в России. Но, ведь, Россия - это север. Рерих по своему происхождению сугубый северянин, поэтому культ севера одна из особенностей его мироизрания.

"Помни о Севере, - пишет он другу. - Если кто-нибудь скажет тебе, что Север мрачен и беден, то знай, что он Севера не знает. Где найдешь такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний? Надо писать так, как было. Только надо припомнить и сложить и иение так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность..."

Эти слова Н. Рериха очень важны: здесь ключ к пониманию духа всех его произведений.

Следующее место приводимого письма еще более уясняет нам подход Н. Рериха к своему творчеству, начиная вместе с тем его облик, как художника.

"Все в искусстве создается не теориями, не надуманными учениями, а только стихийно... Мощь искусства в его... благой интуиции, которая открывает подлинную радость духа... Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Придите. Берите. Стройте... Глаз мой вперед обращен... Но, как перейти от ступени нашего современного слабого глаза к ощущению космической правды?.. Вся жизнь полна великими знаками..."

Наш художник видит эти "знаки" не только в тайнах человеческого духа, но и

в конкретных явлениях жизни вообще и в особенности тех, на чем лежит печать доисторического прошлого. Здесь его взоры опять обращаются к Руси. В домотканых орнаментах одежды русской крестьянки он отмечает следы каменного века, монголов, готских упражнений. В древних русских иконах, совершенному искусству которых он поэт гимн, ему открывается "перевоплощение итальянских примитивов и азиатской миниатюры", которые, "соединившись с народным началом дают новое целое, пред чьим справедливо склоняется весь мир". Он находит в "Снегурочке" элементы всех видений на Россию претворенных воинами славянского духа в чудесное гармоничное целое, вдруг оказавшееся близким и американцам, и индусам, ибо "тип легендарного пастуха Леля византийский образ Индийского Кришны. Вот почему "Снегурочка" является столь-
ко настоящего смысла России, что все эти элементы ее становятся уже в пределах легенды общечеловеческой и понятной каждому сердцу". Получается общий язык, ко-
торый производит к творческой любви, отирающей сердце одного народа - другому..."

Как ясно нам теперь, что человек с подобным мировоззрением необходимо дол-
жен был прийти к тайнам Востока и хранительницей их, Индии. Ведь именно там
утверждается "утвержденный веками, тысячелетиями" взгляд на жизнь, как на выра-
жение Безсмертия Духа, нашедшего себе крайнее выражение в человеке. Там твер-
дят о неисчерпаемых величиях человеческого духа, дарах прозрения в глубь
вещей, в бесконечность прошлого и в безграничность будущего. Там отводится малое
место "голову разуму" и уделяется исключительное значение интуиции и прозрению.
Там то, что мы считаем невозможным, чудом, являет себя, как нечто очевидное, не под-
вергающееся никакому сомнению. Там звучит призыв к самоутгублению, к "святому
молчанию", с помощью которых только и возможно пройти через "двери", ведущие в
истинный "храм жизни и безсмертия".

И Н.Рерих тем нашел родину своего духа. Еще до Индии, в бытие свою в Рос-
сии, Н.Рерих стоял совершенно особо среди прочих художников, и тогда уже в его
творчестве было все, то, что впоследствии, имея в настоящий заграниценный период
его деятельности, получило дальнейшее развитие и оформление. А Ростиславов в
своей монографии /1914г./ о Н.Рерихе пишет: "Природа и старина известных мест

были для художника... созвучими, гармонировавшими с прирожденным строем души...
Лукомная жизнь его, очевидно, не стоит на месте и тесно связана с фантастическими
и мистическими; своей прозорливостью в прошлое он, как бы заставляет верить в
"вечную возиращение" и "новня воплощения", видя будущее в прошлом..."

Итак, в Индии он лишь нашел подтверждение и освящение исконных началам свое-
го творческого духа. Под ее влиянием он написал в словах то, что давно звучало
и в его картинах. - "Молчание движет, заставляет, слово же - увещевает. Есть
два вида тишины: беспомощная тишина смерти, которая знаменует распад, и тишина
могущества, которая управляет гармонией жизни... В этой тишине исходит истин-
ная мудрость... Молчание творит, сохраняет и защищает..."

Истинная красота, по мнению Рериха, чужда суеты, шума. Она может войти только
через двери "действенного молчания". Жизнь художника в Гималах, - это погружение в величавое молчание, религиозную тишину величественной природы,
в тайны тибетских храмов и буддийской религии. На стенах этих храмов он нашел
частое изображение рыбы, т. е. знака Христа, находимого и в римских катакомбах,
образы Троицы, Божьей Матери, серафимов... Услыхал там песнь "аллилуйя". Увидел
схимников, иконы, украшения ризами и драгоценными камнями, венки и березки в Трои-
цки день... Дышал благовониями ладана. Перазился костюмами милаго, веселого народа,
костюмами, почти интуитивно воспроизведенными им в "Снегурочке", так сравнитель-
но быв незначителен материал для этих костюмов, найденный им в древне-русской
одежде. Слыхал здесь целый ряд легенд о подземных городах, о храмах, ушедших под
воду, в правду о чем верят и русский крестьянин. Глубоко проникся тем, что "глав-
ное - по меньшей мере невежественных отрицаний" "что" "прона-
ление феноменов всегда сопровождается одним и тем же, необъяснимым словом Св. Ли-
санния, "возмущал духом", что поэтому, "если нам что-либо невидимо, то не следует,
что его нет..." Окончательно убедился в том, что, "если хотите увидеть прекрасное
место, спросите, какое место здесь самое древнее... Кому
ведомы подходы к старым монастырям Руси с их цветущими холмами и прянно пахучими

бором - тот поймет, как чувствуются подходы к монастырям Сиккима в Гималаях. Умели эти незапятные люди выбирать самые лучшие места..."

В результате такого склада ума и сердца - творчество, которому удивляется весь мир.

111

Вспоминаем ряд картин Н. Рериха, написанных им в разные периоды своей деятельности. "Знаки Христа" и "Чинтамани" - белый конь, несущий сокровище мира" - это из индийской серии "Зарождение тайн" /1924 г./. "Вестник", "Замзе", "Деревня лам" - из серии "Сиккимский путь" /1924 г. Путешествие по Тибету и - "Гималаи"/. "Голубиная книга" /1923 г./ "Сон Востока" /1921 г/ "Раскание" /1919/. "Кораденс" /1920/. "Дзей - Ка - Да" - буддийский учитель /1924/. Такие произведения, как - "За морями земли великии", "Вайделоти", "Волокут волоком", "Озерная долина", "Св. Прокопий благословляет неизвестных путешественников", "Дела человеческие", "Святое озеро", "Вечное ожидание" /ц/е 1918/пр./, "Монастырь" /ц/е 1920/пр./, "Сад Леля" созданы Н. Рерихом за время 1900 - 1918 г.

Конечно, это очень небольшой выбор из всего, что дал великий художник, однако и по нему можно судить, составить себе представление, как о сюжете и атмосфере творчества Н. Рериха, так и о манере и приемах его письма. Наше предварительное знакомство с духовным обликом художника очень поможет в этом отношении.

Прежде всего нашим глазам в творчестве Н. Рериха отирается совершение особый мир, находимый только у этого художника. Если в самых первых своих произведениях, напр., "Гонец", он, как бы находится в сфере влияния В. Васнецова, а в некоторых последующих отмечается влияние Брунеля, то очень скоро Н. Рерих освобождается от всего этого и становится на вполне самобытный путь, по которому все дальше и дальше идет вперед, свидетельством чего служат произведения последних годов.

Что это за "путь", а следовательно, какой "мир" открывается художнику на этом пути?

Переживали-ли вы когда-нибудь в своей жизни минуты, да, - именно минуты, когда на вашу душу вдруг слетало безграничное, спокойствие, мир, тишина, когда шумящая

и бурливал вокруг вас жизнь вдруг точно останавливалась? Не становилось ли вам тогда на душе ясно-ясно и понятно все, что находится вокруг вас? Ясно и понятно своей тайной, которую совершенно не нужно отгадывать, а просто принимать ее, потому что она "к несению сердца..." Не спускалась ли тогда к вам тихая радость, наряду с сознанием, что вы узнали "что-то" необычайное важное, серьезное, о которой совершенно не хочется говорить, но только "тихо молчать", благоговейно глядя "ему" в глаза. Тогда, не постигали-ли вы всем своим сердцем, что такое молитва, религия, Бог, и вместе с тем добро? Не удивлялись ли вы, наконец, тогда вражде и злу, которым совершенно не место в душе человека, исконно простой и хорошей, по природе, христианской? Мудрое дело Создателя видели вы тогда вокруг себя. Сыпали язык природы и, конечно, абсолютно были чужды какого-либо беспокойства, а смерти для вас не существовало...

Так вот по моему мнению, все эти "минуты" Н. Рерих запечатлен в своих произведениях. Не потому-ли образы их в одно и то же время и "неадекции" и очень знакомые душе, а, следовательно, вполне реальные? Всматриваясь в них, в атмосферу жизни, окружавшую их, разве вы не вспоминаете свои истинно-человеческие "минуты"? Лесид Андреев сказал, что "все это" - "держава", т. е. собственный мир Рериха. Я не согласен с ним. "Это все" - и нала собственная "держава", но она открывается нам лишь мгновениями, говоря: "зачем уходишь из своей родной земли?" Великому же художнику она открывалась на всю его жизнь. Силой своего таланта он запечатлел ее. Не потому-ли человечество так преклонилось пред этим художником, полное благодарности за то, что он открыл глазом подлинную родину нашего духа?

Я не хочу останавливаться на разборе каждой из вышеназванных картин. Предлагаю любящим искусство взмотреться в них и проверить все, что сказал Н. Рерих о себе, и что было сказано о нем в этих немногих строках настоящей статьи. Это самый лучший способ знакомства с таким художником, как Н. К. Рерих.

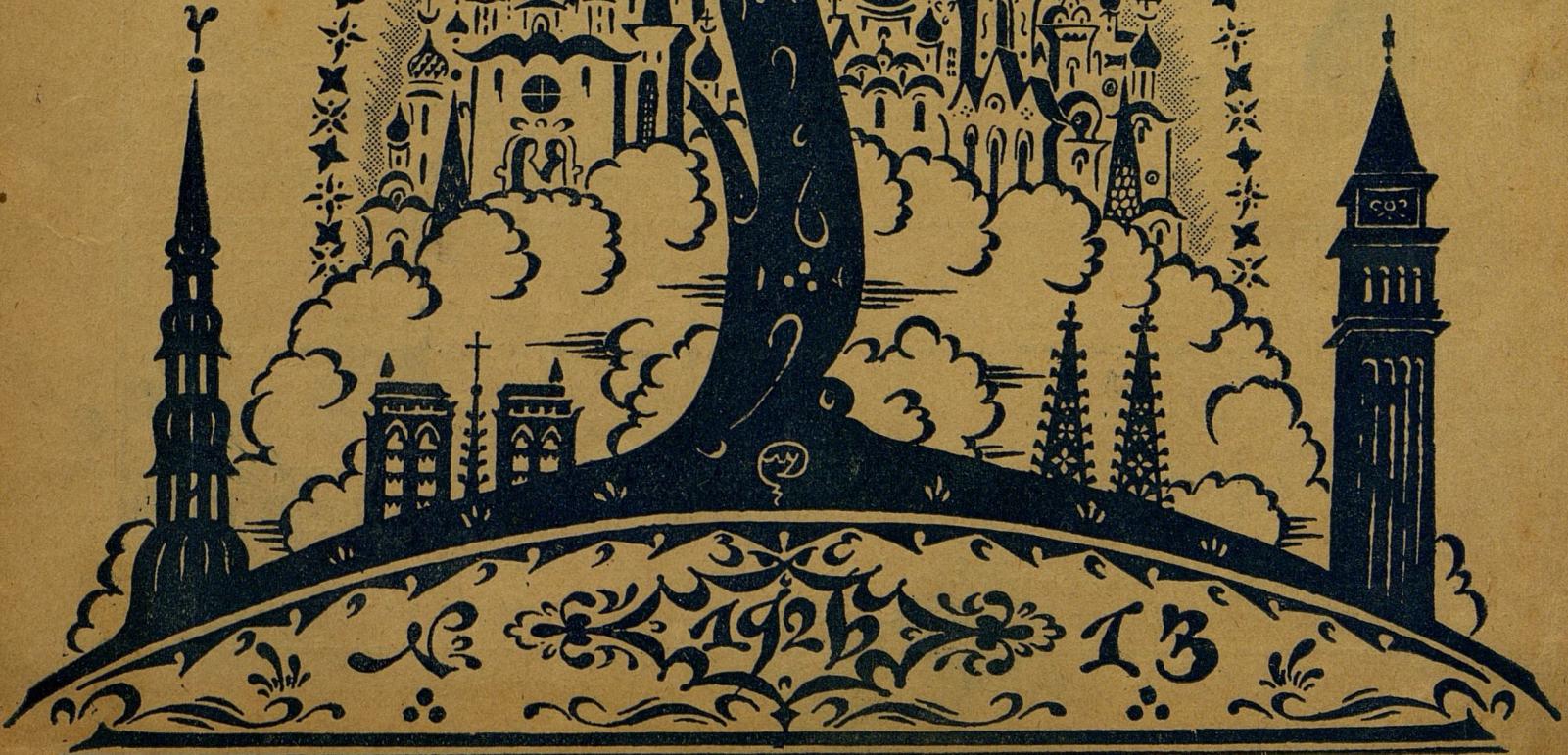
В заключение несколько слов о манере, приемах письма нашего художника.

Если в самых первых его работах напр., "Гонец" и другие немногие, можно найти элементы передвижничества, как в академической манере рисунка, композицией

приеме и не яркой живописи, то очень скоро Н. Рерих совершенно освободился от всего этого. Его рисунок делается своеобразно стилизованным. Его палитра, говорит о постижении всех тайн импрессионистского письма. Однако, все это не является у художника началом самодовлеющим, но обраденным на выявление тем, волнующих его душу. Мы знаем эти темы. Если, с одной стороны, он давал им оболочку, называемую некоторыми, по недоразумению "исторической", то с другой - "сюжеты" из природы говорили, что дело здесь не в "историзме", а в страстном желании найти "внешнее", во что можно было бы одеть единственную, внутреннюю тему: показать подлинный мир человеческой души, мир святого молчания, светлой правды, радостной красоты и мудрого сознания тайн, лежащих в основе жизни. "Одежда" искалась на Севере, в далых русской природы, в старинных храмах, в излии пещерного человека, в доисторической жизни Руси, в легендах, в глубинах Тибета, на высотах Гималаев, в дебрях Индии, в тайнах религии вообще, в христианстве и буддизме в частности. Повторю: это все "одежда", тема же была одна: "выявить святые "минуты" человеческого духа. Исканием "одежды" обусловливается у Н. Рериха манера, стиль самого письма, как в области краски, так и рисунка и композиции, и если в нем в разное время и проглядывает одно и то же начало, то назовем его началом простоты, которое становится все более совершенным по мере совершенствования самого художника. И он прекрасно понимает силу этой простоты, когда пишет в своих "Путях благословения": "сейчас приходится говорить простыми ясными словами. Сейчас жизнь наполнена знаменами изменившими, как стертые, негодные линии монет. Сейчас жизнь наполнилась условными безчисленными наименованиями. Сейчас забыт "Человек". Прости и ясны должны быть слова человеческие, но еще проще и яснее общечеловеческий язык творчества со всей его таинственной убедительностью"...

Н.И. Мишев.

ПЕРЕЗВОНИ

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

Февраль 1926 г. № 13 (5).

Рига, Редакція и контора L. Kaleju ielā 43
Телеф. 20-76 и 34-48

Цѣна номера 80 сант. (40 руб.)
Заграницей 20 амер. цент.

О подпискѣ см. послѣ текста.

Содержание:

- Н. Н. Бѣлоцѣтовъ — „Трубка мира“
Ирина Кноррингъ — „Я старости боюсь, не смерти“
А. И. Куцинъ — „Пунцовава кровь“ (окончаніе)
Бор. Зайцевъ — „Атлантида“
Проф. Н. И. Мишеевъ — „Н. К. Рерихъ“

Репродукція картинъ Н. К. Рериха, изъ нихъ двѣ приложенія къ краскахъ.

Дѣтскій уголокъ. Изъ области искусства. По бѣлу свѣту. Русская книга.

Сотрудники:

М. А. Алдановъ, Мих. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережанскій, проф. Бердяевъ, И. А. Бунинъ, Н. Н. Бѣлоцѣтовъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, Бор. Зайцевъ (ред. литер. отдѣла), А. И. Куцинъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, Мих. Осоргінъ, А. М. Ремизовъ, Н. Роцинъ, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Суручевъ, В. Ф. Ходасевичъ, А. Чернышъ, Евг. Н. Чириковъ, Марина Цѣѣтава, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандѣ (ред. худ. части), Ю. Г. Рыковскій и друг. Обложка — работы М. Добужинскаго.

От редакціи

Вв одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ начинается печатаніемъ новый фантастический разсказъ **Ив. Лукаша** „Зеленый Островъ“ съ рисунками автора.

Представительства журнала „Перезвони“

- Австрія** — А. Мухинъ — Вѣна I, Petersplatz 9.
Болгарія — Н. Алексѣевъ — Софія, В. Тырново 17.
Германія — Кн. маг. О. Дьяковой — Berlin W. Kleiststrasse 23.
Польша — Изд. „Добро“ — Warszawa, Gl. poczta. Skrzynka 192.
Румынія — Кн. маг. „Книга“ — Chișinău (Кишиневъ), str. Alexandru cel Bun 71.
Турція — Г. Пахаловъ „Культура“ — Константинополь, 385, Grand rue de Pera.
Франція — „Librairie Hachette“ (Messageries de journaux) III, rue Réamur III, Paris 2e.
Чехословакія — Кн. маг. „Пламя“ — Praha II. Ječná 32.
Югославія — И. И. Карпенко. — Бѣлградъ, Приштинская 52. — Пріемъ подписки и розничная продажа. Инж. А. Ариа (для Хорватіи и Словеніи) — Загребъ, Гундуличева 39.

Безусловно
И вѣ сомнѣній, вѣ
БИ-БА-БО
Аппетитны
Бульонъ, чай и
Особенно кофе.

БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,
Бульв. Свободы 2'4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.

Единственный въ Ригѣ

teatrs **RADIO** **Café**

бульв. Свободы № 2/4

Сегодня и ежедневно
на сценѣ и въ публикѣ общирная и разнообразн.
программа

въ 2 больш. отд. Начало прогр. въ 9 $\frac{1}{2}$ час. веч.

Radio-концерты съ 7 час. вечера.

Содержаніе слѣдующаго № 14 (№ 6/1926) номера увеличенного въ объемѣ:

Стихи: Любовь Столица — У Троицы. Рассказы: К. Д. Бальмонта — Страница воспоминаний, Бор. Эйцева — Атлантида (окончаніе), Н. Притисского — Мотивы чудеснаго, А. Чернаго — Домъ надъ Великой (картины изъ русской жизни). Статья Н. И. Мишеева — Б. М. Кустодіевъ.

Репродукціи картинъ Б. Кустодіева. Четыре репродукціи въ краскахъ.
Отдѣлы: „Дѣтскій уголокъ“. „Искусство“. „Русская книга“. „По бѣлу свѣту“. „Изъ области науки, открытій и изобрѣтеній“.

Въ номерѣ — 36 стр. Цена № 14 — 1 латъ, заграницей 25 амер. центовъ.

Наилучшая англійская пшеничная мука и овсяные хлопья

„MILLENNIUM“

Главное мѣсто продажи у К. А. БУШЪ и П. БАУМАНЪ, Господская ул. 23. Тел. 26-92.

РУССКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

богато иллюстрированныя книжки (48 страниц текста).

Пробные номера высыпаются бандеролью

въ Латвию: за 50 сант. почтовыми марками
заграницу: за две марки для загран. писемъ

Главная контора: Рига, Valdemara ielā 63.

ТЕАТРЪ - ВАРЬЕТЭ „МАРИНЭ“

дир. Ф. Э. Кару.

Съ 1-го февраля с. г.

На экранѣ:

„Женщина на 24 часа“

съ участіемъ

Гарри Лидтке

Лотты Нейманъ

и В. Дитерле

На сценѣ: Послѣдняя недѣля:

„Злободневное обозрѣніе“ (Revue) въ 7 картинахъ

1. Кабин. № 13 кабарэ „Дансингъ-Паласъ“
2. Фарфоровая статуэтка
3. Вино
4. I want to be happy
5. Неаполитанская капелла
6. Fin du si鑒le
7. Извозчикъ и такси.

Сочиненіе Ив. Руденкова. Балетныя постановки Эдм. Плевицкаго. Костюмы собственной мастерской Конферируютъ Ив. Руденковъ и И. Дзинтернекъ. Англичане, неаполитанцы, гости, кордебалетъ и др.

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

№ 1 (1926 г.)

ЖУРНАЛА

„ВОЛЯ РОССИИ“

СОДЕРЖАНИЕ № 1:

Ромэн Роллан: Игра любви и смерти
Марина Цветаева: Крысолов
В. Булгаков: Встреча с Р. Ролланом
М. Шаповал: Развитие и современное состояние
Украинского народа

Аграрная анкета:

Эмиль Вандервельде: Социализм и крестьянство
Ноэль Бекстон: Земля и государство
Леон Жуо: Синдикализм и аграрный вопрос
Отто Бауэр: Аграрный вопрос в Австрии
Иозеф Стивин: Чехословацкая социал-демократия
и аграрный вопрос
Ф. Дан: Аграрный вопрос у русских марксистов.
В. Чернов: Социализация земледелия
Е. Сталинский: Социализм и крестьянство

Иностранная жизнь:

Бела Линдер: Венгерская проблема

Среди книг и журналов:

Знамко-Боровский: Парижские поэты
Н. Мельникова-Папоушек: Шарль Дэрэн и
животный эпос
Н. Рубакин: Из области книжного дела
В. Архангельский: Переводная литература

Отзывы о книгах.

Системат. указатель содержания „В. Р.“
за 1925 г.

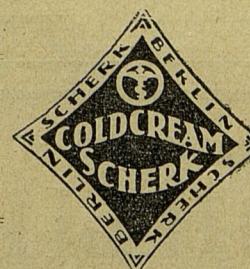
Цена этого № в Чехословакии — 15 кр. ч., во
Франции, Бельгии и Турции — 12½ фр., в Герма-
нии — 2 мк., в остальне. государствах — 50 амер. цент.

Адрес редакции и конторы: Praha I, Uhelny trh 1

Колдъ кремъ шеркъ

для
лица.

для
лица.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфю-
мерныхъ магазинахъ.

Оптомъ исключительно у
А. Подляшку и Й. Єлумежау,
Крѣпостная 19, тел. 85-24.

Издание Акционерного Общества „САЛАМАНДРА“
Латвія, Рига. Бол. Кузнецкая ул. 43. Телефонъ 26-70 и 83-40.

СЛОВО

ВЪ 1926 ГОДУ

выходитъ подъ редакціей И. С. Лукаша
и Н. Г. Бережанскаго.

Въ „СЛОВЪ“ участвуютъ писатели:

А. Амфитеатровъ, В. Амфитеатровъ-Кадашевъ, М. Арцыбашевъ, поч. акад. Ив. Бунинъ,
В. Л. Бурцевъ, Б. Зайцевъ, С. Кречетовъ, А. Ксюнинъ, А. Купринъ, А. Ремизовъ,
В. Сиринъ, А. Салтыковъ, Ив. Шмелевъ, Ариадна Тыркова, В. Унковскій, С. Яблоновскій
и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и
Эстонскаго парламента.

**Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВА“ во всѣхъ
центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.**

Информація „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ.
„СЛОВО“ имѣть наиболѣе широкій отдѣлъ **жизни въ провинціі.**

Выходя въ 1 часъ дня „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣден. информац. за 24 час.

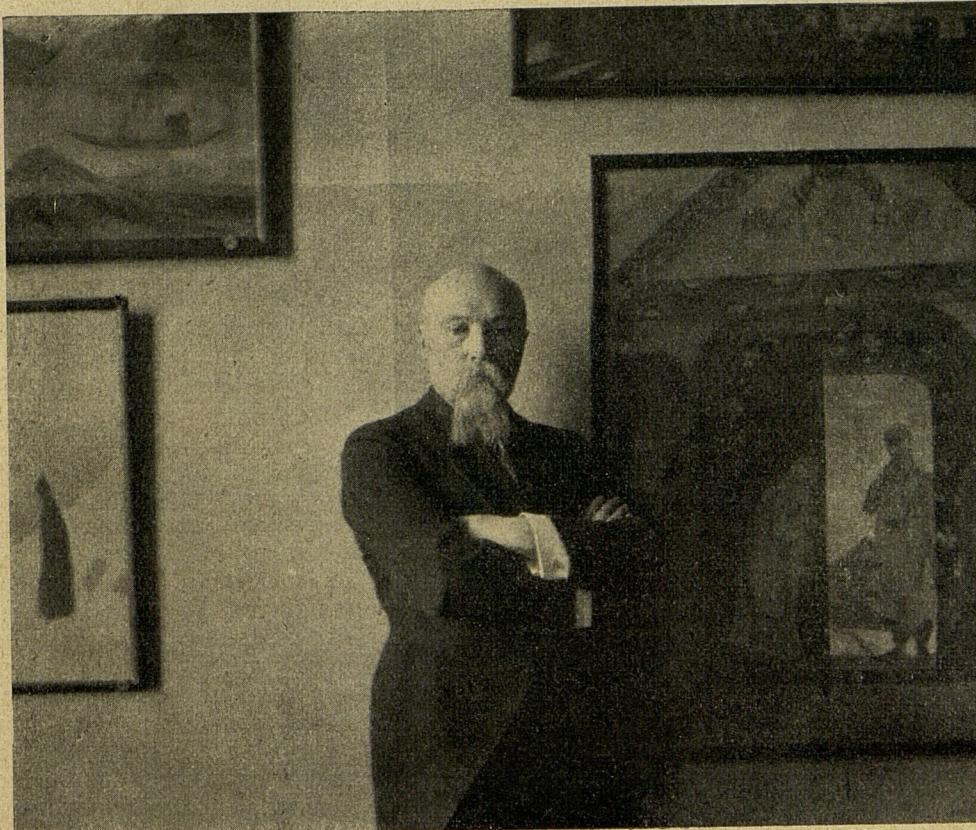
Въ кажломъ номерѣ „СЛОВА“ — обильныя иллюстраціи и фотографіи.
„СЛОВО“ имѣть обширную сѣть провинціальныхъ корреспондентовъ.

**Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВА“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.
Съ 1926 года — для провинції цѣна „СЛОВА“ понижена.**

ШЕРВОЗЫ

ЕЖЕНЕДЬЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ Розы 1926 № 13

Н. К. Рерихъ

Снимокъ сдѣланъ въ музѣи имени Рериха въ Нью-Йоркѣ 1924 г.

Н. И. МИШЕЕВЪ

Н. К. РЕРИХЪ

I

Его произведения находятся въ Музѣи Александра III, въ Третьяковской галлереѣ, въ музеяхъ Рима, Венеции, Милана и Люксембург-

скомъ музѣи, въ картинныхъ галлереяхъ Вѣны, Праги, Брюсселя, Мальме, Стокгольма, Гельсингфорса, Копенгагена, Лондона, Чикаго, Сан-

Н. К. Рерихъ

„Дѣла человѣческія“

Франциско. Въ Нью-Йоркѣ 24 марта 1924 г. былъ открытъ музей его имени, гдѣ помѣщаются его картины, собранныя уже въ количествѣ около четырехсотъ. Онъ — академикъ, членъ Россійской Академіи Искусствъ, директоръ Школы Поощренія Художествъ, почетный членъ многихъ русскихъ и иностранныхъ художественныхъ, научныхъ и литературныхъ обществъ. Выѣхавъ изъ Россіи въ 1918 г., онъ, обремененный семьей и безъ копейки денегъ, устраиваетъ свои выставки въ Финляндіи, доѣзжаетъ до Лондона, продаєтъ картины и пріѣзжаетъ въ Америку, гдѣ послѣ 28 выставокъ своихъ произведений дѣлается „другомъ Америки“ и создаетъ два огромныхъ культурнѣйшихъ предпріятія, почетнымъ президентомъ которыхъ и по сію пору состоить, это: „Інститутъ Соединенныхъ Искусствъ“ и „Korona Mundi“, центръ интернационального искусства. 7-го мая 1924 г. имъ учреждается книгоиздательство „Алатасъ“ (слово сибирское и обозначаетъ „Бѣлый камень“). Онъ археологъ, изслѣдователь кургановъ, коллекціонеръ стаинныхъ картинъ и предметовъ каменнаго вѣка, авторъ многихъ трудовъ по вопросамъ искусства и археологии. Уѣзжая изъ Россіи, онъ оставляетъ тамъ коллекцію по археологии изъ 75000 предметовъ, лично имъ собранныхъ и классифицированныхъ. На всѣхъ европейскихъ языкахъ о немъ существуетъ богатая литература. Онъ страстный путешественникъ по Востоку. Изучилъ тайны Тибета, изѣздили Гималаи, посѣтилъ тѣ мѣста Индіи,

куда не проникалъ ни одинъ европейскій художникъ. Въ Индіи онъ пользуется исключительнымъ уваженіемъ и любовью. Знаменитый поэтъ Рабиндраната Тагоръ, его другъ, написалъ ему: „ваши картины безконечно меня взволновали. Онъ заставилъ вскрыть въ моей душѣ то, что находится въ душѣ и каждого человѣка; безграничную силу правды, безъ которой немыслима жизнь“. Въ 1924 г. вышла его глубоко интересная и содержательная книга, „Пути благословенія“, свидѣтельствующая о необыкновенномъ постиженіи имъ тайнъ восточного міросозерцанія и одновременно обрисовывающая благородный обликъ ея автора.

Таковъ Николай Константиновичъ Рерихъ. Таковъ объемъ и значеніе его дѣятельности во славу русского искусства, которое онъ разнесъ по всему миру, благодаря качеству и количеству (болѣе тысячи картинъ, а съ эскизами, этюдами до двухъ тысячъ) своихъ произведеній. Примѣръ жизни, полной неустанного труда, развитія своего таланта, всѣхъ своихъ творческихъ силъ, объятыхъ страстью служенія искусству, а слѣдовательно, красотѣ и правдѣ на великую радость всѣмъ „сынамъ человѣческимъ“.

II

Весьма понятно, что человѣкъ, сдѣлавшій такъ много, несмотря на сравнительно молодой свой возрастъ (род. 1874 г.), не можетъ не интересовать нась, какъ опредѣленная личность. Другими словами, намъ очень важно позна-

комиться съ его міросозерцаніемъ и какъ че-
ловѣка, и какъ художника. Такое знакомство
лишь поспособствуетъ уяснить его творчество
и пути, по которымъ оно развивалось. Въ
этомъ отношеніи книга его „Пути благослове-
нія“ много поможетъ намъ.

Она прежде всего рисуетъ намъ Н. Рерихъ,
какъ истинного жреца искусства, глубоко по-
стигнувшаго сущность послѣдняго и значение
его въ дѣлѣ утвержденія жизни, построенной
на началахъ красоты и правды, объединенныхъ
великой любовью къ человѣчеству, потрясен-
ному событиями общественныхъ и космическихъ
катастрофъ.

„Сейчасъ надо мыслить объ искусствѣ, —
пишетъ онъ. — Сейчасъ надо ощутить и
утвердить этотъ высшій проводникъ Духа Утѣ-
шителя... Жизнь наполнилась мертвленными
поддѣлками... Вознавидѣли старыхъ... И
ненависть породила злобную безпомощность.
Брызгая ядовитой слюной разложенія, броси-
лись создавать новыя теоріи... распредѣлили
искры Божества по склянкамъ и наклеили эти-
кеты... Раздробленность дошла до предѣла...
Одни были порабощены сюжетомъ, другіе
искали лишь форму, третіи только краски...
Самодовольно и глупо раздѣлили искусство на
высшее, декоративное, прикладное... Извра-
тили понятіе реальности. Разрубили единое
древо. „Бѣдные они“, — какъ сказалъ о нихъ
одинъ большой художникъ... Они забыли о
гармоніи. Они забыли, что таинственная пре-
лестъ искусства, — его убѣдительность кроется
въ путяхъ его возникновенія. От-
куда придетъ, на томъ языкѣ и гово-
рить будеть...

„Не кажется-ли вамъ страннымъ, что даже

въ наши дни, въ дни наибольшей суматохи и
страха, все-таки могутъ быть дѣйственно
выявляемы такія еще далекія понятія, какъ
любовь, благо, совершенство, и будутъ примѣ-
нены къ жизни именно въ простотѣ и ясности
творчества. Если простота выраженія, ясность
желанія будутъ соотвѣтствовать неизмѣримости
величія Космоса — то это путь истинный.
Простота — непремѣнное качество гармоніи.
Творчество будущаго будетъ осѣ-
нено простотою. Конечно, вы не смѣ-
шаете простоту съ примитивизмомъ, съ на-
рочитостью.

„Сейчасъ радость объ искусствѣ звучить
странно. Много говорять объ искусствѣ и
такъ мало вносятъ искусство въ жизнь...
Будемъ, хотя бы одинъ разъ въ недѣлю спра-
шививать себя, что мы за семь дней сдѣлали
для искусства, безъ котораго нѣтъ счастья въ
жизни... Распросите людей, много-ли они
сдѣлали для искусства? И много-ли они внесли
искусства въ свою жизнь? Они будутъ удив-
лены, и окажется, что пещерный человѣкъ ка-
менного вѣка имѣть всѣ преимущества предъ
ними...

„Откройте въ школахъ пути къ творчеству,
къ великому искусству. Замѣните пошлость
и уныніе — радостью и прозрѣніемъ. Разви-
вайте инстинктъ творчества съ самыхъ малыхъ
лѣтъ ребенка. Уберегите отъ гримасы жизни.
И дайте ему счастливую, смѣющую жизнь, пол-
ную дѣятельности и свѣтлыхъ достиженій...
Откройте ребенку пути благословенія!..“

Такъ можетъ говорить человѣкъ, жизнь ко-
тораго немыслима внѣ сферы искусства, въ
которую онъ проникъ, и въ которой онъ такъ
много увидѣлъ необходимаго для устроенія

Н. К. Рерихъ

„Святой Прокопій благословляетъ неизвѣстныхъ путешественниковъ“

нашай „разбазареной жизни“, какъ, можетъ быть, никто до него...

Конечно, духовное развитіе такого человѣка немыслимо безъ страстнаго его „припаданія“ къ „чашѣ“ родной земли. Мы находимъ въ его книгѣ гимнъ этой „чашѣ“, которую онъ называетъ „неотпитой“.

„Мы не хотѣли знать возможностей своей земли и народа... Припадая къ землѣ, мы слышимъ. Земля говорить: все пройдетъ, потомъ хорошо будетъ...“

„Причудны въ Новгородской землѣ лѣса всячими деревьями. Цвѣточны травы. Глубоко сини волнистыя дали. Всюду зеркала рѣкъ и озеръ. Бугры и холмы. Крутые, пологіе, мицкіе, каменные. Камни стадами навалены. Всякихъ отливовъ... Любой выбирай! Все нетронуто, все ждетъ... Старинные проѣзжіе пути ведутъ по чудеснымъ борамъ. Зовутъ безконечными далями. Бѣлѣютъ путевыми знаками — храмами... По городищамъ захоронены храмы. И не показались міру до сей поры. Вѣрно не время еще... Пройдетъ испытаніе! Всенародная, всетрудовая, крѣпкая дѣломъ Русь стражнетъ пыль и труху. Сумѣеть напиться живой воды. Наберется силъ. Найдетъ клады подземные. Точно неотпитая чаша стоитъ Русь. Неотпитая чаша, — полный цѣлебный родникъ. Среди обычнаго луга притаилась сказка...“

Н. Рерихъ по матери — псковитянинъ, а по отцу — потомокъ выходцевъ изъ Скандинавіи. Выросъ въ Россіи. Но, вѣдь, Россія — это сѣверъ. Рерихъ по своему происхожденію сугубый сѣверянинъ, поэтому культура сѣвера одна изъ особенностей его міросозерцанія.

„Помни о Сѣверѣ, — пишетъ онъ другу. — Если кто-нибудь скажетъ тебѣ, что Сѣверъ мраченъ и бѣденъ, то знай, что онъ Сѣвера не знаетъ. Гдѣ найдешь такую синеву далей? Такое серебро водъ? Такую звонкую мѣдь полуночныхъ восходовъ? Такое чудо сѣверныхъ сіяній? Надо писать такъ, какъ было. Только надо припомнить и сложить именно такъ, какъ было. Надо умѣть понять истинное первое впечатлѣніе. Надо умѣть выявить сущность...“

Эти слова Н. Рериха очень важны: здѣсь ключъ къ пониманію духа всѣхъ его произведеній.

Слѣдующее мѣсто приводимаго письма еще болѣе уясняетъ намъ подходъ Н. Рериха къ своему творчеству, выявляя вмѣстѣ съ тѣмъ его обликъ, какъ художника.

„Все въ искусствѣ создается не теоріями, не надуманными ученіями, а только стихійно... Мощь искусства въ его... благой интуїціи, которая открываетъ подлинную радость духа... Мы окружены чудесами, но, слѣпые, не видимъ ихъ. Пridите. Берите. Стройте... Глазъ мой впередъ обращенъ... Но, какъ перейти отъ ступени нашего современнаго слабаго глаза къ ощущенію космической правды?.. Вся жизнь полна великими знаками...“

Нашъ художникъ видѣтъ эти „знаки“ не только въ тайнахъ человѣческаго духа, но и въ конкретныхъ явленіяхъ жизни вообще и въ особенности тѣхъ, на чемъ лежитъ печать доисторического прошлаго. Здѣсь его взоры опять обращаются къ Руси. Въ домотканыхъ орнаментахъ одежды русской крестьянки онъ отмѣчаетъ слѣды каменного вѣка, монголовъ, готскихъ украшеній. Въ древнихъ русскихъ иконахъ, совершенному искусству которыхъ онъ поетъ гимнъ, ему открываются „перевоплощеніе итальянскихъ примитивовъ и азиатской миниатюры“, которые, „соединившись съ народнымъ началомъ даютъ новое цѣлое, предъ чѣмъ справедливо склоняется весь міръ“. Онъ находитъ въ „Снѣгурочкѣ“ элементы всѣхъ вліяній на Россію, претворенныхъ мощью славянского духа въ чудесное гармоничное цѣлое, вдругъ оказавшееся близкимъ и американцамъ, и индійцамъ, ибо „типъ легендарнаго пастуха Леля вызываетъ образъ Индусскаго бога Кришны. Вотъ почему „Снѣгурочка“ является столько настоящаго смысла Россіи, что всѣ эти элементы ея становятся уже въ предѣлы легенды общечеловѣческой и понятной каждому сердцу“. Получается общій языкъ, который приводить къ творческой любви, открывающей сердце одного народа — другому...

Какъ ясно намъ теперь, что человѣкъ съ подобнымъ міросозерданіемъ необходимо долженъ быть приди къ тайнамъ Востока и хранительницѣ ихъ, Индіи. Вѣдь именно тамъ утверждается „утвержденный вѣками, тысяче-лѣтіями“ взглядъ на жизнь, какъ на выраженіе Безсмертнаго Духа, нашедшаго себѣ крайнее выявление въ человѣкѣ. Тамъ твердятъ о неисчерпаемыхъ великихъ силахъ человѣческаго духа, дарахъ прозрѣнія въ глубь вещей, въ безконечность прошлаго и въ безграничность будущаго. Тамъ отводится малое мѣсто „голову разуму“ и удѣляется исключительное значеніе интуїціи и прозрѣнію. Тамъ то, что мы считаемъ невозможнымъ, чудомъ, являетъ себя, какъ нѣчто очевидное, не подвергающееся никакому сомнѣнію. Тамъ звучитъ призывъ къ самоуглубленію, къ „святому молчанию“, съ помощью которыхъ только и возможно пройти чрезъ „двери“, ведущія въ истинный „храмъ жизни и безмертвія“.

И Н. Рерихъ тамъ нашелъ родину своего духа. Еще до Индіи, въ бытность свою въ Россіи, Н. Рерихъ стоялъ совершенно особо среди прочихъ художниковъ, и тогда уже въ его творчествѣ было все то, что впослѣдствіи, именно въ настоящій заграничный періодъ его дѣятельности, получило дальнѣйшее развитіе и оформленіе. А. Рославлевъ въ своей монографіи (1914 г.) о Н. Рерихѣ пишетъ: „Природа и старина извѣстныхъ мѣстъ были для художника... созвучіями, гармонировавшими съ прирожденнымъ строемъ души... Духовная жизнь его, очевидно, не стоитъ на мѣстѣ и тѣсно связана съ фантастическимъ и мистическимъ; своей прозорливостью въ прошлое онъ, какъ бы заставляетъ вѣрить въ „вѣчныя возвращенія“.

нія" и "новая воплощениі", видя будущее въ прошломъ..."

Итакъ, въ Индіи онъ лишь нашелъ подтверждение и освященіе исконнымъ началамъ своего творческаго духа. Подъ ея вліяніемъ онъ написалъ въ словахъ то, что давно звучало и въ его картинахъ. — "Молчаніе движаетъ, заставляетъ, слово же — увѣщеваетъ. Есть два вида тишины: беспомощная тишина смертности, которая знаменуетъ распадъ, и тишина могущества, которая управляетъ гармоніей жизни... Въ этой тишинѣ нисходитъ истинная мудрость... Молчаніе творить, сохраняетъ и защищаетъ..."

Истинная красота, по мнѣнію, Рериха чужда суеты, шума. Она можетъ войти только чрезъ двери „дѣйственного молчанія“. Жизнь художника въ Гималаяхъ, именно, въ Сиккимѣ — это погруженіе въ величавое молчаніе, религіозную тишину величественной природы, въ тайны тибетскихъ храмовъ и буддійской религіи. На стѣнахъ этихъ храмовъ онъ нашелъ частое изображеніе рыбы, т. е. знака Христа, находимаго и въ римскихъ катакомбахъ, образы Троицы, Божьей Матери, серафимовъ... Услышаль тамъ пѣснь „аллиуйя“. Увидѣль схимниковъ, иконы, украшенныя ризами и драгоценными камнями, вѣнки и березки въ Троицынъ день... Дышалъ благовоніями ладона. Поразился костюмами милаго, веселаго народа, костюмами, почти интуитивно воспроизведенными имъ въ „Снѣгурочкѣ“, такъ сравнительно былъ незначителенъ матеріалъ для этихъ костюмовъ, найденный имъ въ древне-русской одеждѣ. Слыхалъ здѣсь цѣлый

рядъ легендъ о подземныхъ городахъ, о храмахъ, ушедшихъ подъ воду, въ правду о чемъ вѣрить и русскій крестьянинъ. Глубоко проникся тѣмъ, что „главное — поменьше не вѣжественныхъ отрицаній“ что „проявленіе феноменовъ всегда сопровождается однѣмъ и тѣмъ же, необъяснимымъ словомъ Св. Писанія, „возмутился духомъ“, что поэтому, „если намъ что-либо невидимо, то не слѣдуетъ, что его нѣтъ...“ Окончательно убедился въ томъ, что, „если хотите увидѣть прекрасное мѣсто, спросите, какое мѣсто здѣсь самое древнее... Кому вѣданы подходы къ старымъ монастырямъ Руси съ ихъ цвѣтущими холмами и прянно пахучимъ боромъ — тотъ пойметъ, какъ чувствуются подходы къ монастырямъ Сиккима въ Гималаяхъ. Умѣли эти незапятные люди выбирать самыя лучшія мѣста!..“

Въ результатѣ такого склада ума и сердца — творчество, которому удивляется весь міръ.

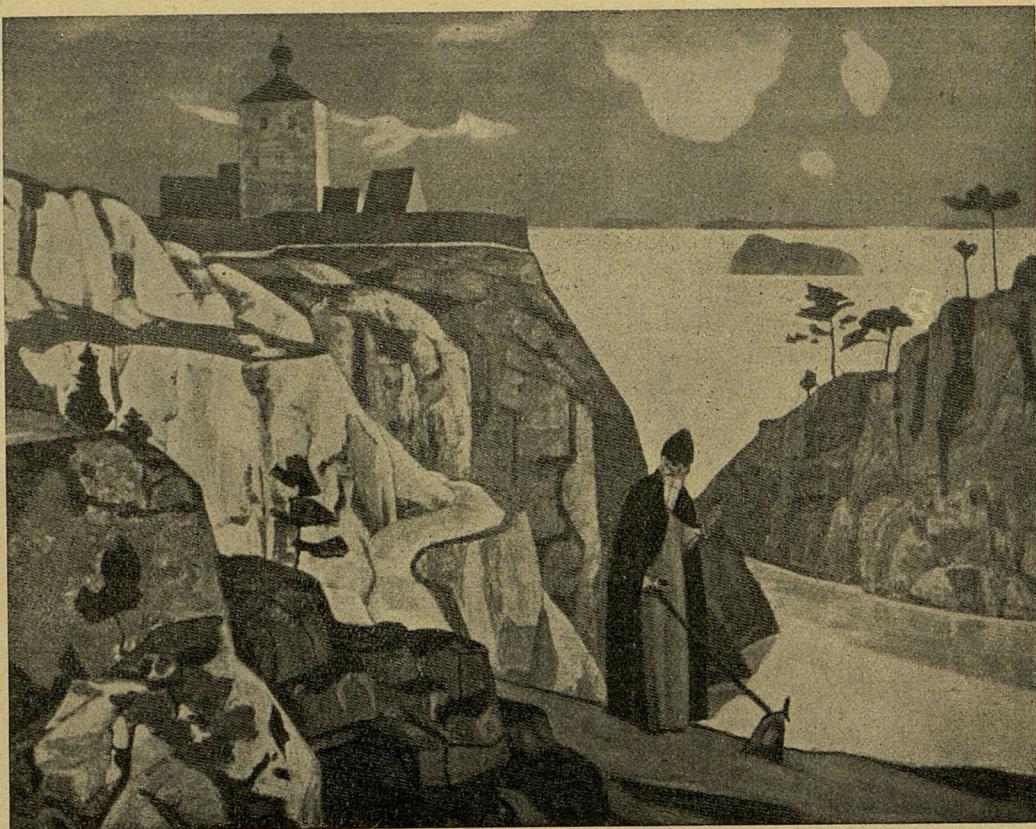
III

Мы помѣщаемъ рядъ картинъ Н. Рериха, написанныхъ имъ въ разные періоды своей дѣятельности. „Знаки Христа“ и „Чинтамами“ — бѣлый конь, несущій сокровище міра“ — это изъ индійской серіи „Зарожденіе тайнъ“ (1924 г.). „Вѣстникъ“, „Намзѣ“, „Деревня ламъ“ — изъ серіи „Сиккимскій путь“ (1924 г. Путешествие по Тибету и — „Гималаи“). „Голубиная книга“ (1923 г.). „Сонъ Востока“ (1921 г.) „Раскаяніе“ (1919). „Cor ardens“ (1920). „Tzong-Kha-Pa“ — буддійскій учитель (1924). Такія

Н. К. Рерихъ

„Волокутъ волокомъ“

Н. К. Рерихъ

„Святое озеро“

произведенія, какъ — „За морями земли великия“, „Войделоты“, „Волокутъ волокомъ“, „Озерная долина“, „Св. Прокопій благословляетъ неизвѣстныхъ путешественниковъ“, „Дѣла человѣческія“, „Святое озеро“, „Вѣчное ожиданіе“ (цвѣтн. репр.), „Монастырь“ (цвѣтн. репр.), „Садъ Леля“ созданы Н. Рерихомъ за время 1900 — 1918 г.

Конечно, это очень небольшой выборъ изъ всего, что даль великий художникъ, однако и по нимъ можно судить, составить себѣ представление, какъ о сюжетѣ и атмосфѣрѣ творчества Н. Рериха, такъ и о манерѣ и приемахъ его письма. Наше предварительное знакомство съ духовнымъ обликомъ художника очень поможетъ въ этомъ отношеніи.

Прежде всего нашимъ глазамъ въ творчествѣ Н. Рериха открывается совершенно особый міръ, находимый только у этого художника. Если въ самыхъ первыхъ своихъ произведеніяхъ, напр., „Гонецъ“, онъ, какъ бы находится въ сферѣ вліянія В. Васнецова, а въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ отмѣчается вліяніе Врубеля, то очень скоро Н. Рерихъ освобождается отъ всего этого и становится на вполнѣ самобытный путь, по которому все дальше и дальше идетъ впередъ, свидѣтельствомъ чего служатъ произведения послѣднихъ годовъ.

Что это за „путь“, а, слѣдовательно, какой „міръ“ открывается художнику на этомъ пути?

Переживали-ли вы когда-нибудь въ своей жизни минуты, да, — именно минуты, когда

на вашу душу вдругъ слетало безграничное, спокойствіе, миръ, тишина, когда шумящая и бурливая вокругъ васъ жизнь вдругъ точно останавливалась? Не становилось-ли вамъ тогда на душѣ ясно-ясно и понятно все, что находится вокругъ васъ? Ясно и понятно своей тайной, которую совершенно не нужно отгадывать, а просто принимать ее, потому что она „къ веселію сердца...“ Не спускалась-ли тогда къ вамъ тихая радость, наряду съ сознаніемъ, что вы узнали „что-то“ необычайное важное, серьезное, о которомъ совершенно не хочется говорить, но только „тихо молчать“, благоговѣйно глядя „ему“ въ глаза. Тогда, не постигали-ли вы всѣмъ своимъ сердцемъ, что-то молитва, религія, Богъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ добро? Не удивлялись-ли вы, наконецъ, тогда враждѣ и злу, которымъ совершенно не мѣсто въ душѣ человѣка, исконно простой и хорошей, по природѣ, христіанской? Мудре дѣло Создателя видѣли вы тогда вокругъ себя. Слышали языкъ природы и, конечно, абсолютно были чужды какого-либо беспокойства, а смерти для васъ не существовало..

Такъ вотъ по моему мнѣнію, всѣ эти „минуты“ Н. Рерихъ и запечатлѣлъ въ своихъ произведеніяхъ. Не потому-ли образы ихъ въ одно и то же время и „нездѣшніе“ и очень знакомые душѣ, а, слѣдовательно, вполнѣ реальные? Всматриваясь въ нихъ, въ атмосферу жизни, окружавшую ихъ, развѣ вы не вспоминаете свои истинно-человѣческія „минуты“?

Леонидъ Андреевъ сказалъ, что „все это“ — „держава“, т. е. собственный міръ Рериха. Я не согласенъ съ нимъ. „Это все“ — и наша собственная „держава“, но она открывается намъ лишь мгновеніями, говоря: „зачѣмъ уходишь изъ своей родной земли?“ Великому же художнику она открылась на всю его жизнь. Силой своего таланта онъ запечатлѣлъ ее. Не потому-ли человѣчество такъ преклонилось предъ этимъ художникомъ, полное благодарности за то, что онъ открылъ глазомъ подлинную родину нашего духа?

Я не хочу останавливаться на разборѣ каждой изъ вышеназванныхъ картинъ. Предлагаю любящимъ искусство всмотрѣться въ нихъ и проѣбрить все, что сказалъ Н. Рерихъ о себѣ, и что было сказано о немъ въ этихъ немногихъ строкахъ настоящей статьи. Это самый лучшій способъ знакомства съ такимъ художникомъ, какъ Н. К. Рерихъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о манерѣ, пріемахъ письма нашего художника.

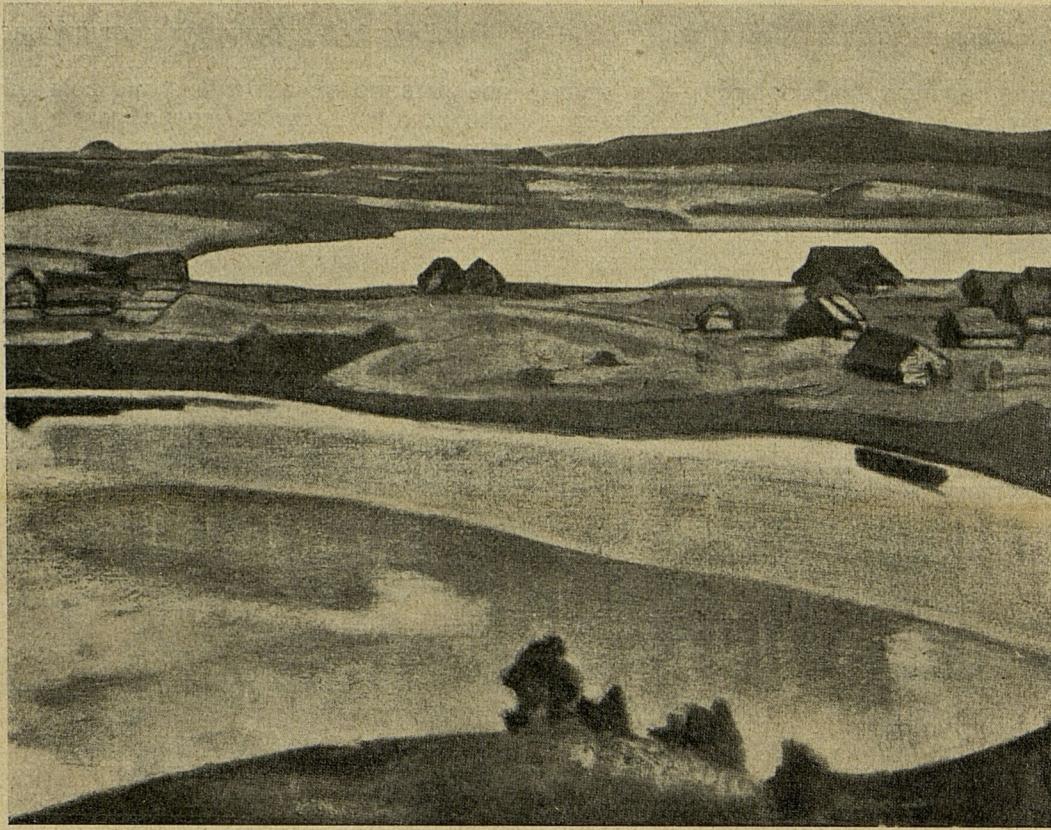
Если въ самыи первыхъ его работахъ, напр. „Гонецъ“ и другія немногія, можно найти элементы передвижничества, какъ въ академи-

ческой манерѣ рисунка, композиціонномъ пріемѣ и не яркой живописи, то очень скоро Н. Рерихъ совершенно освободился отъ всего этого. Его рисунокъ дѣлается своеобразно стилизованнымъ. Его палитра говоритъ о постиженіи всѣхъ тайнъ импресіонистскаго письма. Однако, все это не является у художника начальномъ самодовлѣющимъ, но обращеннымъ на выявление темъ, волнующихъ его душу. Мы знаемъ эти темы. Если, съ одной стороны, онъ давалъ имъ оболочку, называемую нѣкоторыми, по недоразумѣнію „исторической“, то съ другой — „сюжеты“ изъ природы говорили, что дѣло здѣсь не въ „историзмѣ“, а въ страстномъ желаніи найти „внѣшнее“, во что можно было бы одѣть единственную, внутреннюю тему: показать подлинный міръ человѣческой души, міръ святого молчанія, свѣтлой правды, радостной красоты и мудраго сознанія тайнъ, лежащихъ въ основѣ жизни. „Одежда“ искалась на Сѣверѣ, въ даляхъ русской природы, въ старинныхъ храмахъ, въ жизни пещерного человѣка, въ доисторической жизни Руси, въ легендахъ, въ глубинахъ Тибета, на высотахъ Гималаевъ, въ дебряхъ Индіи, въ тайнахъ религіи

Н. К. Рерихъ

„Войделоты“

Н. К. Рерихъ

„Озерная долина“

вообще, въ христіанствѣ и буддизмѣ въ частности. Повторяю: это все „одежда“, тема же была одна: „выявить святыя „минуты“ человѣческаго духа. Исканиемъ „одежды“ обуславливается у Н. Рериха манера, стиль самого письма, какъ въ области краски, такъ и рисунка и композиціи, и если въ немъ въ разное время и проглядываетъ одно и то же начало, то назовемъ его началомъ простоты, которое становится все болѣе совершеннымъ по мѣрѣ совершенствованія самого художника. И онъ прекрасно понимаетъ силу этой про-

стоты, когда пишетъ въ своихъ „Путяхъ благословенія“: „сейчасъ приходится говорить простыми ясными словами. Сейчасъ жизнь наполнена знаменами, изношенными, какъ стерты, негодные лики монетъ. Сейчасъ жизнь наполнилась условными безчисленными наименованиями. Сейчасъ забыть „Человѣкъ“. Просты и ясны должны быть слова человѣческія, но еще проще и яснѣе общечеловѣческій языкъ творчества со всей его таинственной убѣдительностью“...

Н. И. Мишеевъ

ИРИНА КНОРРИНГЪ

Я СТАРОСТИ БОЮСЬ, НЕ СМЕРТИ

Я старости боюсь, не смерти.
Той медленной, какъ бредъ, поры,
Когда озлобленное сердце
Устанеть отъ пустой игры.

Когда въ волненьяхъ жизни грубой
Умъ станетъ властенъ надъ душой
И мудрость перекосить губы
Усмѣшкой медленной и злой.

Когда тревога впечатлѣній
Сухой души не опалитъ
Ни очертаньемъ лунной тѣни,
Ни бодрымъ запахомъ земли.

Парижъ. 24.XI.1925

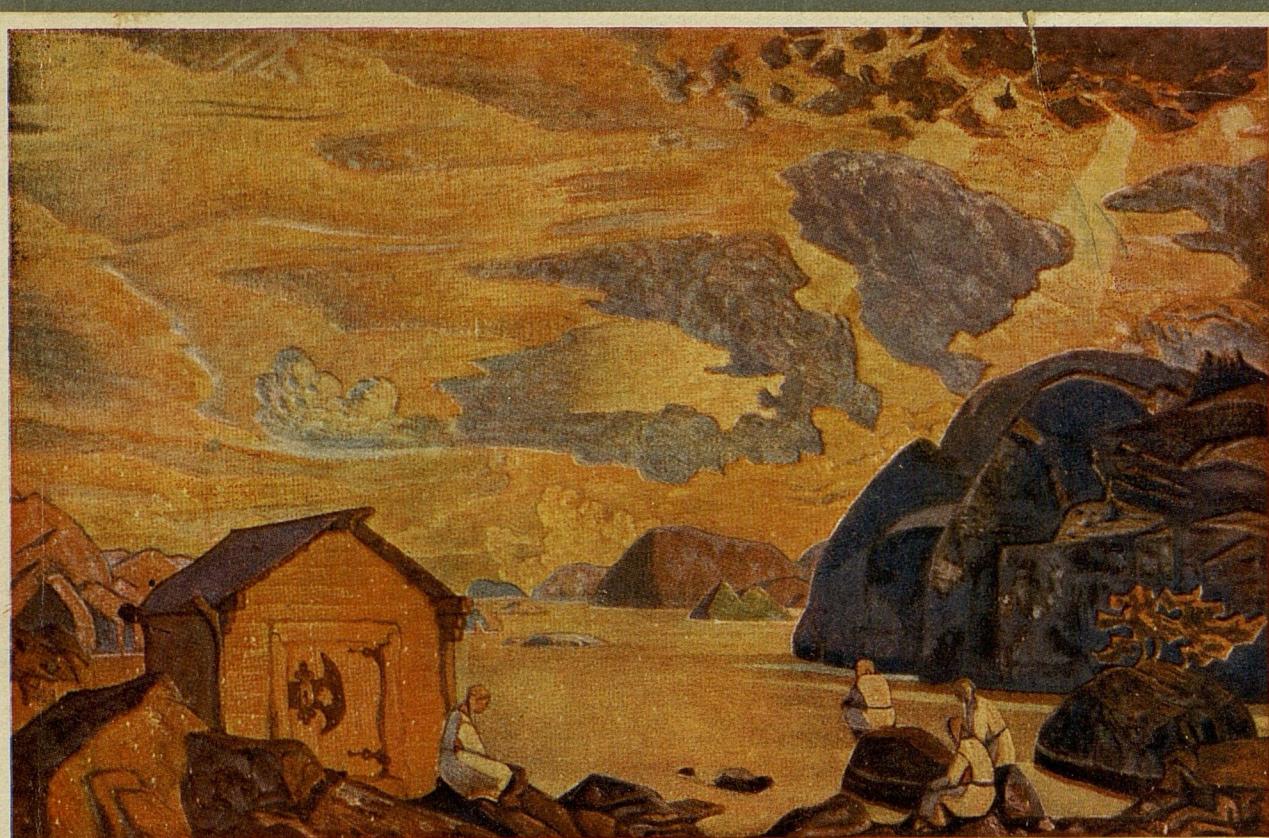
Когда вопросовъ гулкій ропотъ,
Ошибки, грэзы и печаль
Замѣнить равнодушный опытъ
И ужъ привычная мораль.

Когда года смотрѣть научать
На все съ надменной высоты
И станетъ міръ наивно скучнымъ,
Совсѣмъ понятнымъ и простымъ.

И жизнь польется безъ ошибки,
Безъ впечатлѣній и тревогъ...
Лишь въ снисходительной улыбкѣ —
Чуть уловимый холодокъ.

Ирина Кноррингъ

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ПЕРЕЗВОНЫ“ № 13

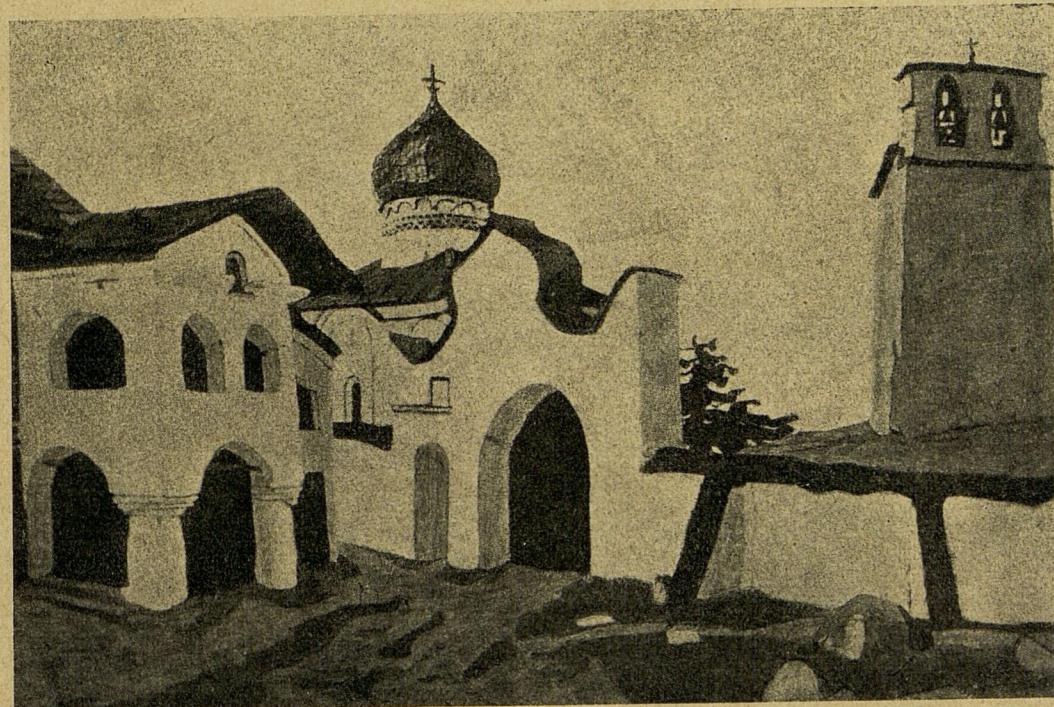
Н. К. РЕРИХЪ

„ВѢЧНОЕ ОЖИДАНІЕ“

Н. К. Рерихъ

„За морями земли великія“

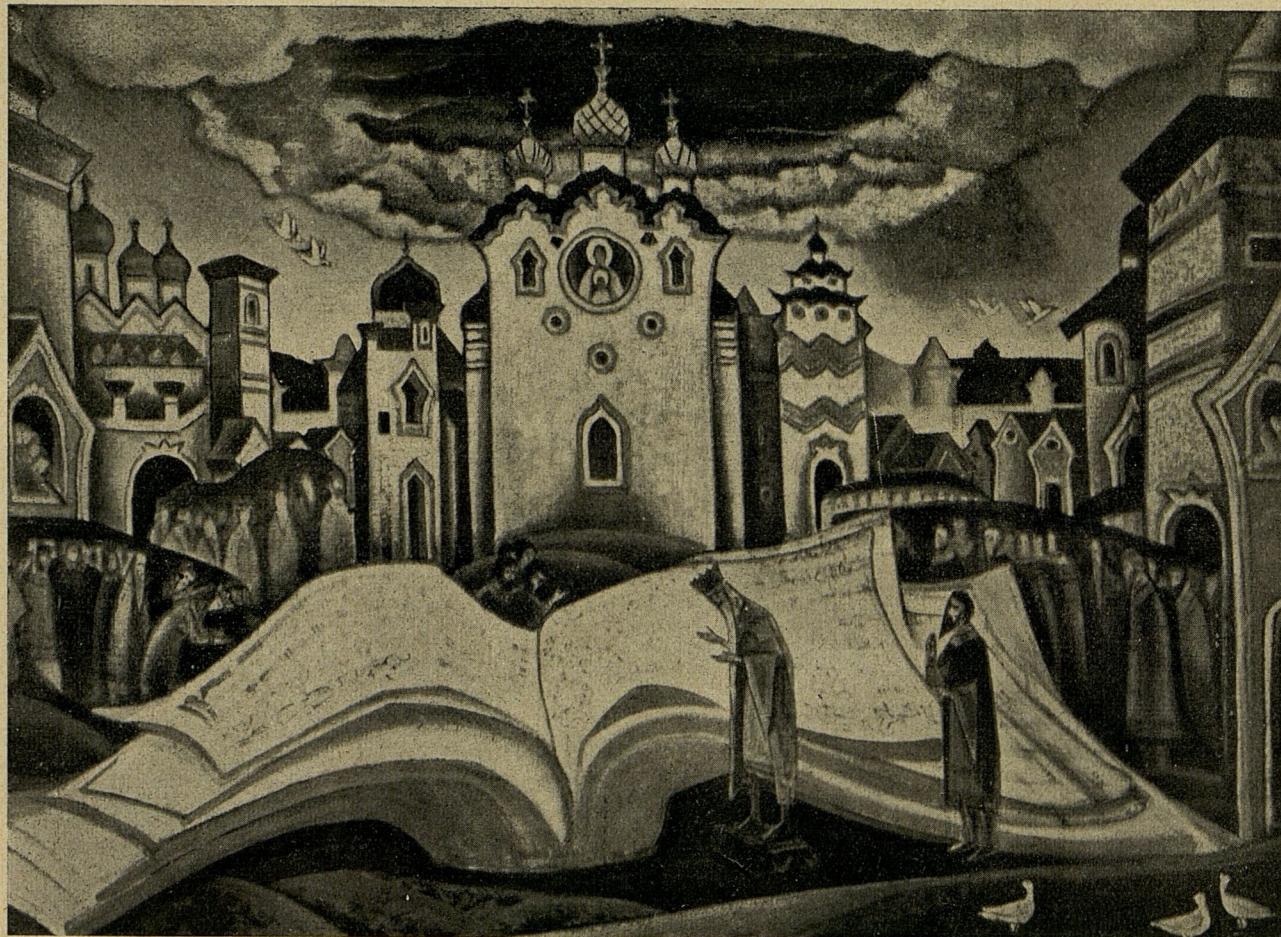
Н. К. Рерихъ

„Угличъ“

СТИХЪ О ГОЛУБИНОЙ КНИГЪ

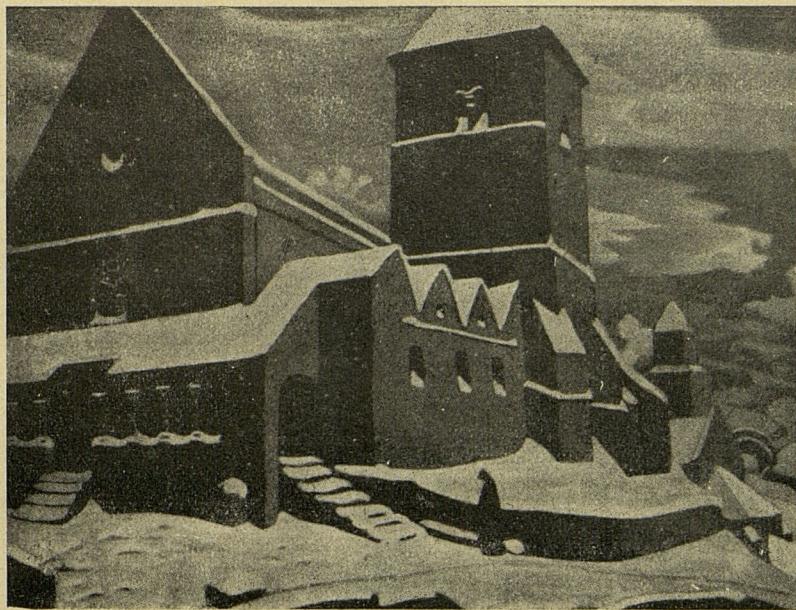
Выходила туча сильная, грозная;
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Соходилися, соѣзжалися
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкихъ,
Христіанъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь, Давидъ Ессеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается;
Передъ ними книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходитъ ко книгѣ Володимиръ князъ,
Владимиръ князъ Володимировичъ.
Возговорилъ Володимиръ князъ,

Володимиръ князъ Володимировичъ:
„Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ!
Прочти сударь, книгу Божію,
Объяви, сударь, дѣла Божіи;
Про наше житіе про свято-русское.
Про наше житіе свѣту вольнаго!
Отъ чего у насъ начался бѣлый, вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ младъ-свѣтель мѣсяцъ?
Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
Отъ чего у насъ ночи темныя?
Отъ чего у насъ зори утренни?
Отъ чего у насъ вѣтра буйные?
Отъ чего у насъ дробень дождекъ?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
Отъ чего наши помыслы?
Отъ чего у насъ міръ-народъ?
Отъ чего кости крѣпкія?
Отъ чего тѣлеса наши?
Отъ чего кровь-руда наша?“
Возговоритъ премудрый царь,

Н. К. Рерихъ

„Голубиная книга“

Н. К. Рерихъ

„Раскаяніе“

Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ:
„Ой ты гой еси Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ!
Не могу я прочесть книгу Божию!
Ужъ мнѣ честь книгу, не прочесть Божью:
Эта книга не малая,
Эта книга великая!
На рукахъ держать — не сдержать будетъ,
На налой положить Божій — не уложится.
Я по старой по своей памяти
Расскажу вамъ, какъ по грамотѣ:
У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда
Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,

Самого Христа Царя Небеснаго;
Младъ-свѣтель мѣсяцъ отъ грудей его!
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ Самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря“.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ

АТЛАНТИДА

Утро, зима, полузамерзія стекла, видъ на Георгія, что за лавками, на деревья въ церковномъ дворѣ, переулокъ вдалъ уходящій далеко, утонувшаго города съ мило-безмысленнымъ именемъ: Ка-лу-га. Домъ въ переулкѣ, гдѣ живетъ Александръ Георгіевичъ, извозчикъ, трушкомъ плетущійся, галки на черныхъ ликахъ, сѣдой полусумракъ комнаты, запахъ тюленій ранца, книжки и синенькія тетрадки, и грузная тяжесть въ сердцѣ, такомъ еще молодомъ...

Рядомъ, въ столовой, за столикомъ у окна, вертитъ колеса и съ вертушками мотаетъ на шпульку Александра Карловна — хозяйка, основа и корень. Она иногда улыбается, лицомъ полнымъ, слегка одутловатымъ и добродушнымъ — одинъ глазъ уходитъ вправо —

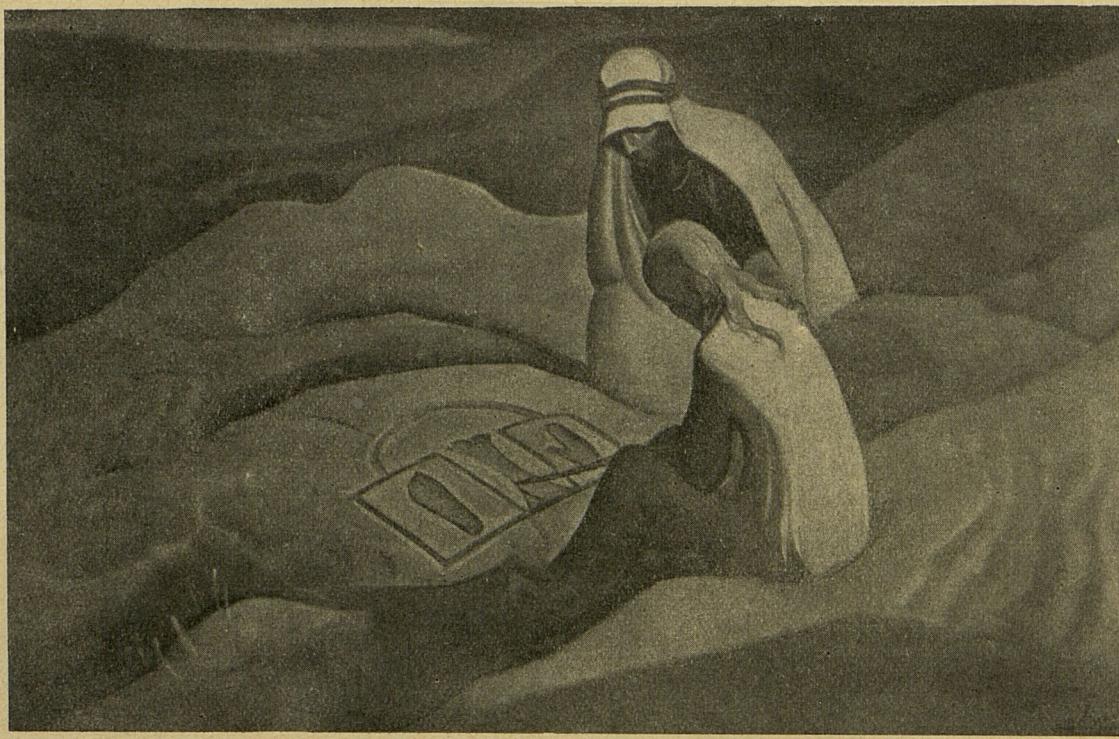
и вертя, видить она Воскресенскую, все, что тамъ происходитъ. У ней чулочная. Въ заднихъ комнатахъ, за коридоромъ, пощелкиваютъ машины. Тамъ кисловато и душно, хихикаютъ дѣвушки. Хромая, постукивая каблукомъ, навѣдывается туда Александра Карловна, оттуда несутъ ей мотки, а берутъ смотанныя шпульки.

— Здравствуйте, Александра Карловна.

— Здравствуй, Женя.

Вотъ она за столомъ, медленно, священно-дѣйствуя наливаетъ кофе. Въ комнатѣ посвѣтлѣло. Впереди въ углу фікусъ, а повыше икона, лампадка.

— Кушай, хороший человѣкъ, это тебѣ здорово. Кушай, Женя, хлѣбъ съ масломъ, это тебѣ очень здорово.

Н. К. Рерихъ

„Знаки Христа“. Серія „Зарожденіе Тайн“

Александра Карловна улыбается, лицо ея точно-бы смазалось какой-то благодушной мазью.

— Я вась, теперешнюю молодежь, не понимаю. Взять хоть мою Капу. Ей служить надо идти, а она еще спить, теперь всѣ такие смѣлые, она и хозяина не боится, у нее жиль такои горячий, а она неглижируетъ, хоть-бы ты, Женя, сказалъ, ты мужчина, умный человѣкъ, ты бы ей и сказалъ: Капа, ты ужъ очень смѣлая.

И Александра Карловна, тяжко волоча ногу, обходитъ столъ, стучить въ комнатку дочери.

Но Женѣ некогда уже увѣщевать: пора. Шинель реального училища, фуражка съ золотыми листиками, ранецъ за плечами, дворъ снѣжный, вкусный зимній воздухъ, и калитка, тротуары занесенные, знакомые дома, знакомые сугробы, и знакомая, такая безысходная, и жгучая тоска. Гдѣ свѣтъ, солнце и радость? И къ чему все? Вѣчно будутъ сѣрые дома, заборы, галки и учителя, труды, волненія, вотъ эти сумрачныя утра, острыя снѣжинки...

Розовый корпусъ въ саду, одинъ за другимъ тянутся ученики, вороны носятся надъ заснѣженными кленами.

Въ раздѣвалнѣ Женя сталкивается съ Александромъ Георгіевичемъ. Тоцій, съ умнымъ и высокимъ лбомъ, карими глазами, узкая, съ просьдью бородка — весь замотанъ шарфомъ, воротникъ поднятъ, на ногахъ огромныя калоши — онъ слабъ здоровьемъ.

— Да, да, да, вотъ и вы — улыбается, какъ всегда не то загадочно, не то насмѣшиво:

да, послѣ четвертаго урока спуститесь сюда, вы мнѣ нужны.

И вытянувшись, застегнувъ обѣ пуговицы фрака синяго — лишь онъ одинъ и дѣлалъ такъ — застукалъ каблучками въ направленіи учительской.

Уроки-же шли какъ и надо. Женя засѣдалъ съ Капыринымъ на задней партѣ. Батюшка обучаль исторіи церкви, нѣмецъ съ рыжими усами читалъ Минну фонъ Барнгольмъ, Козель съ курчавою бородкою лѣниво плелъ о гугенотахъ. Капыринъ, толстозадый юноша съ полипами въ носу, съ вѣчно засморканннымъ платкомъ, писаль любовныя посланія, сильно сопя.

— Ну ка, вотъ это какъ, Капыринъ, разскажите-ка что вы тамъ знаете о католической... какъ вотъ это тамъ... реакції.

Козель не очень сильный былъ ораторъ. Но Капырина испугалъ искренно. Онъ вскочилъ, высыпался, оправилъ курточку, всегда морщившую на заду — и толкнувъ Женю громко сказалъ:

— Подсказывай.

И какъ всегда бываетъ, сколь ни скучны, безконечны кажутся уроки, всетаки проходять и они, и зимній день изъ оконъ такъ-же сѣро, и очаровательно синяя смотритъ глазомъ свѣтлаго безстрастія, во дворѣ пилить двое музыковъ, по бѣльямъ крышамъ домиковъ калужскихъ бродятъ галки, кресты золотьють въ блѣдномъ небѣ, и далеко, за рѣкой, видень большакъ на Перемышль, въ березахъ — кажется большакъ далекой волею, пронзающею сердце.

Въ назначенное время Женя ждетъ внизу. Александръ Георгіевичъ, вытянувъ впередъ носъ, заложивъ руку подъ фалду и постукивая каблучками, таинственно подлетаетъ.

— Вы третьяго дня были въ театрѣ?

Женя краснѣеть.

— Былъ.

— И хорошо, и очень хорошо.

Александръ Георгіевичъ приближаетъ къ его лицу каріе глаза съ оранжевымъ ободкомъ, и видна каждая морщинка блѣдно-желтоватаго лица, крупная бородавка на щекѣ. Эти глаза всегда полны не то ласковой, не то угрожающей ироніи. Нeясно, будетъ-ли западня, или же просто философія.

— Что-же вы видѣли?

Женя опять краснѣеть.

— „Зеленый островъ“.

— И очень хорошо, великолѣпно! Классическая вещь, равная Эвріпиду, возвышаетъ душу молодого человѣка — серьезнаго, хорошаго ученика, какъ вы.

Ужъ и Козель и нѣмецъ, и другіе мизерабли скромныхъ долинъ пробрели въ классы душно-свѣтлые, чтобы тянуть свою волынку. И женинъ классъ прошелъ шеренгой въ гимнастической залѣ, гдѣ худенькій и ядовитый ротмистръ — полякъ Стемковскій будетъ ихъ гонять по параллелямъ. Улеглась и пыль отъ нихъ, а Женю все водилъ взадъ и впередъ Александръ Георгіевичъ, подложивъ руку подъ фалду фрака, и побалтывая ею.

49

— Да, да, вы часто ходите въ театръ. Это отрава. Это возбуждаетъ и прельщаетъ. Вотъ недавно, васъ застали на пустомъ урокѣ съ книжкою Золя. Не совсѣтую читать. Пакостный писатель. Я вамъ говорю: пакостный!

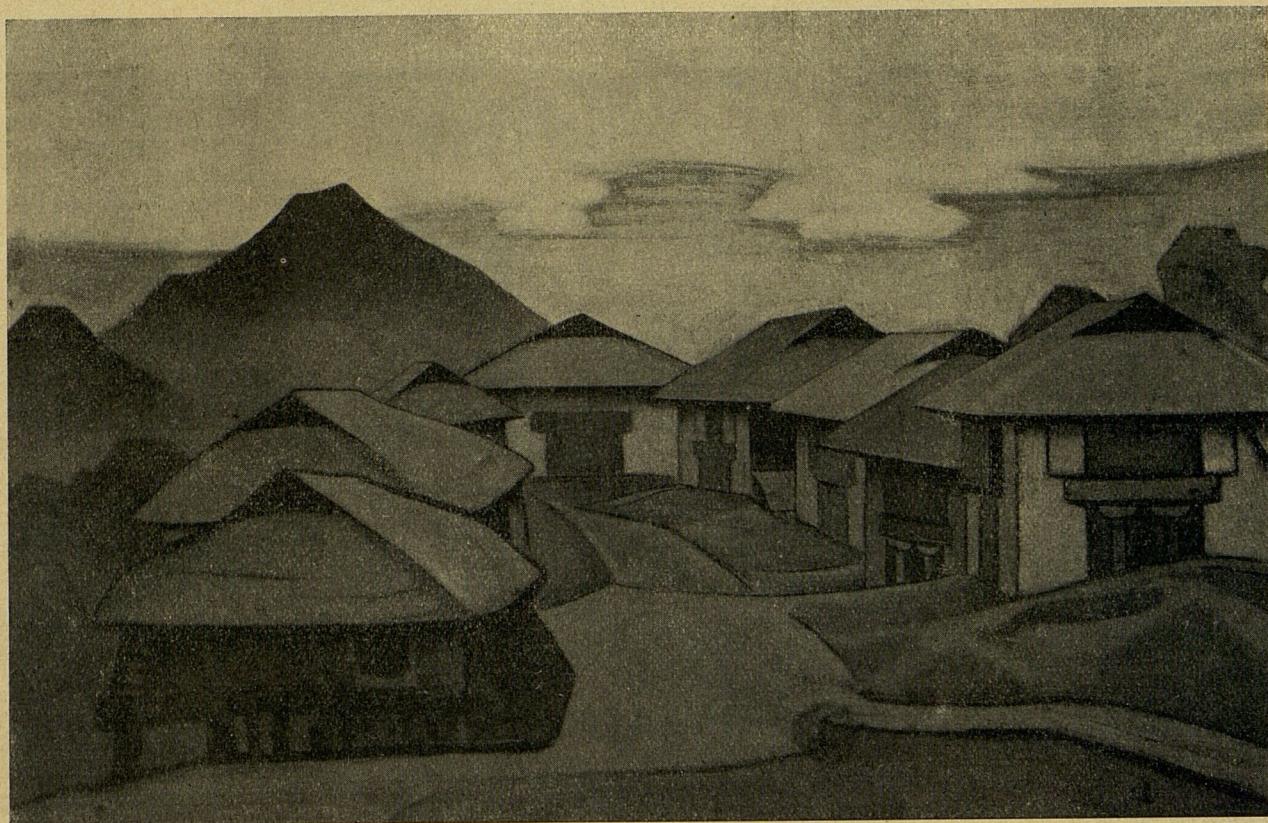
Онъ приблизилъ къ самому Женину лицу каріе свои глаза съ оранжевымъ ободкомъ, и расширилъ ихъ, угрожающе, чтобы наглядно показать, какъ страшно-пакостенъ Золя.

— Отъ такихъ книгъ юноша впадаетъ въ тоску, разсѣянность, и можетъ кончить самоубійствомъ. Не гордитесь, что вы хорошо учитесь. Бывали примѣры, бывали-сь! Въ младшихъ классахъ ученикъ рѣжетъ ножомъ парту, вырѣзая безсмысленные вензеля, далѣе начинаетъ критиковать наставниковъ, читать дурные книги, и гдѣ-же онъ оказывается? И вотъ онъ студентъ, и вотъ увлеченъ тлетворными идеями — а тамъ... по Владимірѣ, позванивая кандалами. Вотъ онъ — ужъ негодяй!

Остановился, разметнулъ обѣ фалды, какъ хвостъ пѣтуха, наклонился надъ Женей. Выждалъ моментъ, какъ гипнотизеръ, вновь успокоился.

И объяснилъ, что онъ надѣется на Женю, но совсѣтуетъ: рѣжеходить въ театръ и не читать пакостнаго Золя.

Въ комнатѣ Александры Карловны пахло затхло-сладковатымъ. Въ уголкѣ иконы. На старинномъ трюмо скляночки, два граненыхъ, разноцвѣтнаго хрустала флакона, надъ постелью

Н. К. Рерихъ

„Пемайончи — деревня ламъ“. Серія „Сиккимъ“

Н. К. Ферихъ

„Вѣстникъ“. Серія „Сиккимъ“

шилый башмачекъ для часовъ, и портретъ лысаго, благообразнаго, съ бакенбардами, старомоднаго человѣка. Весь его видъ говоритъ: „вотъ, я жилъ прилично, былъ богатъ, и честенъ, кто меня осудить?“ Карль Карловичъ Конъ — „знаешь Женя, мы изъ контористовъ. Мой отецъ былъ такой важный, ну, и такой полный, когда мы выѣзжали на своихъ лошадяхъ, съ Рождественки, всѣ говорили: вотъ это ёдетъ Карль Карловичъ со своимъ семействомъ“.

— Фу-у, и тощица-же была въ этомъ семействѣ! — вставляла Капа. — Мухи мёрли! Тетя Мари, тетя Аделя, Сашенька, Дащенка, канашенька . . .

— Перестань, Капа, ты всегда такая дерзкая!

— Ахъ ты милая моя мать, не сердись, ну прости меня, дуру, ну хочешь, ручку тебѣ поцѣлую?

— Вотъ ужъ ты всегда такая, Капа . . . то дерзости, то нѣжности . . .

Все солидное и корневое въ домѣ шло отъ Коновъ, династіи московскихъ нѣмцевъ „контористовъ“, а вѣрнѣе — коммерсантовъ. На другой-же стѣнѣ комнаты портретъ „Жана“ — блѣдное и умное лицо, въ бородѣ, съ отложнымъ воротничкомъ, и острымъ, нервнымъ взглядомъ — мужъ, покойникъ, тоже нѣмецъ

каго происхожденія, изъ Австріи — „мой Жанъ былъ очень красивый, Женя, ты знаешь, когда мы выѣзжали на балы, онъ надѣвалъ фракъ, и ему это очень шло“.

Жанъ служилъ биржевымъ маклеромъ, специализировалъ на бумагахъ, и какъ человѣкъ азартный, проигрался. Кончилась для Александры Карловны жизнь въ Армянскомъ переулкѣ, выѣзды въ каретѣ на балы, гдѣ — несмотря на хромоту — все-же она и танцевала . . . Жанъ сбѣжалъ сначала въ Вѣну, но и тамъ не вышло, онъ вернулся, получилъ маленькое мѣсто на заводѣ. Александра Карловна покинула любимую свою Москву. Годы прошли въ далекомъ захолустѣ. Жанъ скучалъ и пилъ, наконецъ, умеръ. И лишь съ помощью Женина отца, пріятеля покойнаго по службѣ, удалось Александрѣ Карловнѣ завести въ городѣ мастерскую.

Тутъ сѣла она прочно. Уже тѣнью стала отцовскій домъ въ Москвѣ, тѣнью и жизнь съ Жаномъ, но навѣки пронзилъ Жанъ нехитроѳ ея сердце, и каждую субботу, у всенощной, и въ воскресенье за обѣдней, и ложась спать, молиласъ Александра Карловна за Жана, плакала и твердо вѣрила, что на томъ свѣтѣ они встрѣтятся. Это давало силу сидѣть на Воскресенской, вѣртѣ колесо, выпутываться изъ

20

безденежья, ссориться и мириться съ Капой, и вести тотъ бѣдно-однообразный оборотъ, что называется жизнь въ городѣ Калугѣ. Впрочемъ, у ней были развлечения: черезъ окно наблюдала переулокъ съ домикомъ Александра Георгиевича, замѣчала, кто куда идетъ, одѣнивала, одобряла или осуждала. Заказчицы сообщали и подробности. Изъ безконечныхъ разговоровъ съ дамами, не отходя отъ столика у окна, слѣдила она за политикой, общественностью и эротикою города.

— Капа, говорила, напримѣръ, расплываясь въ благодушную улыбку: ты знаешь, сегодня была у меня госпожа Гнѣздарева, заказала чулки фильтекосовые. И вотъ у Гржеборжевскаго жена уѣхала къ роднымъ гостить, а онъ, представь себѣ, говоритъ, что пусть лучше и не возвращается, онъ нашелъ себѣ мѣщаночку со Спасо-Жировки. То-то я и видела его въ пятницу съ блондинкой, на лихачѣ, самого Каргу нанялъ...

— Эхъ ты, моя мамаша, все то тебѣ врутъ твои бабы...

Глаза у Капы живые и бѣгучіе, нервность, порывистность въ движенияхъ. Больше всего любить противорѣчить.

— Ну, Капа, вотъ ужъ ты всегда скажешь... Госпожа Гнѣздарева такая серьезная, такая комильфотная, а ты говоришь врутъ... И опять ты курить начинаешь, Капа, и какъ это тебя

твой жидъ въ фотографіи еще не отучилъ, ну развѣ можно, ты-же барышня, а куришь, нѣтъ, теперь всѣ пошли такие смѣлые...

— Попробовалъ-бы онъ учить меня! Да онъ и не еврей совсѣмъ, просто осель, отъ котораго я скоро уйду.

— Да какъ-же, Капа, не жидъ, когда мнѣ самъ господинъ Реберикъ говорилъ — а Реберикъ такой строгій, такой важный — что жидъ?..

Онъ полякъ. Когда время завтракать, ему сестра говоритъ: „Игнасъ, Игнасъ, хощешь яйко?“

— Ну всетакось, Капа, ты не права: спроси хоть госпожу Козловскую. И потомъ, ты говоришь: уйду. А какъ-же можно не подчиняться, мы должны подчиняться...

Капа пускаетъ матери въ лицо клубъ дыма.

— Вотъ и уйду. Если еще снахальничаетъ — уйду.

Александра Карловна совсѣмъ разсердилась — что это, правда, Капа и курить, и дерзить и никого не слушается.

Сидѣлъ-ли въ Капѣ духъ Жана и его породы, но ея нервность, и самостоятельность, и гордость вовсе не шли къ благообразно-благодушнымъ Конамъ.

И вертя колесо, держа въ рукѣ кусочекъ парафина, чрезъ который пропускала нитку, Александра Карловна недовольно шевелила губами: „и какая теперь молодежь пошла!

Н. К. Рерихъ

„Чинтамани“. (Бѣлый конь, несущій на спинѣ чудесный камень — сокровище Лира)

Все хотят по своему, все сами знаютъ, всѣ такіе смѣлые...“

По Воскресенской заметалъ снѣжокъ, и на-
дувалъ сугробы въ переулкѣ, вѣтеръ звенѣлъ
въ телеграфныхъ проводахъ, огоньки въ сумер-
кахъ зажигались, и безмолвный городъ, тихая
Калуга, въ старину славившаяся холстами и
веревками, Мариной Мнишекъ и позднѣе, Ша-
милемъ, погружалась въ зимнюю, пахучую
метель. Все прочно, крѣпко, ровно — огоньки,
да вѣтеръ завываетъ.

Александъ Георгіевичъ былъ правъ: дѣй-
ствительно, Женя читалъ Золя и отправлялся, и
дѣйствительно, ходилъ въ те-
атръ чаще, чѣмъ бы надо.
Однако, всетаки, онъ не
зналъ: почему стала Женя
театраломъ.

Нѣсколько времени на-
задъ прїѣзжалъ его отецъ.
Остановился у брата, на
Никольской.

Многоѣздили они въ
театръ, и въ маскарады, и
въ гостиницѣ „Кулонъ“ не-
рѣдко „намокали“. Обо
всемъ этомъ Женя слыхалъ,
но въ его мрачную жизнь,
съ алгебрами, сочиненями,
утренними сугробами на
Воскресенской это не вхо-
дило. Но когда отецъ со-
брался уѣзжать, Женя по-
ѣхалъ провожать его.

Было около четырехъ.
Въ буфетѣ первого класса
зимний день клалъ холод-
но-серебряный отсвѣтъ на
запыленные цвѣты, на длин-
ный рядъ приборовъ съ гра-
финами, вазами, пальмами,
салфетками. Въ концѣ сто-
ла сидѣлъ отецъ въ сѣрой
шубкѣ, и дядя въ енотахъ.
Отецъ, смѣясь цѣловалъ ру-
ку красной дамы съ огромными, черными глаза-
ми. Она была подкрашена. Женя сразу узналъ —
Стецени-Вардина, звѣзда театра. И когда подо-
шелъ, прежній міръ удалился, началось иное, ранѣе
невѣдомое, въ этомъ иномъ голосъ отца сказалъ:

— А это сынъ мой, Анна Николавна. Раз-
рѣшите вамъ представить.

И въ иномъ подняла на него черные, не то
греческіе, не то венгерскіе глаза Стецени-Вар-
дина, протянула руку въ бѣлой перчаткѣ и
сказала ласково:

— Очень пріятно.

Черезъ десять минутъ ушелъ поѣздъ съ от-
цомъ, и на парѣ въ дышло, подъ синей сѣткой,
укатила въ городъ Вардина съ дядей-енотомъ.

— Всетакось, я тебѣ скажу, Капа, какой
Женя смѣлый человѣкъ — Александра Карловна
вертѣла свое колесо, блаженно улыбалась отъ
сознанія, что она такая „хитрая“, все по-
нимаетъ. — Александъ Георгіевичъ сдѣлалъ уже
замѣчаніе, что часто въ театрѣ ходить, а онъ
опять ушелъ, начальники могутъ прийти и спро-
сить, гдѣ онъ, какъ-же тогда отвѣтить?

— А какъ хочешь, милая мамаша. Женя
мнѣ не сватъ, не братъ. Захотѣлъ въ театрѣ
идти — его дѣло.

Александра Карловна все
улыбалась. — Я, Капа,
очень хитрая, все пони-
маю. Ему нравится одна
актриса, знаешь, черная та-
кая, ну, по Воскресенской
съ Гущиной на парѣ часто
проеѣзжаетъ. Я уже замѣ-
тила: Гущинъ ее на своихъ
рысакахъ катаетъ.

— Венера любить смѣхъ,
веселіе во всѣхъ... — запѣла
Капа. — Чтобы ей угодить
веселій надо быть, чтобы
жить не тужить, надо больше
любить... — тра-ля-ля-ля,
тра-ля-ля-ля, траля-ля-ля,
траля-ля-ля...

— Ну ужъ ты, Капа,
всегда такая сумасшедшая...

— Милая моя, золотая,
алмазъ мой чулочный, да
какъ-же я тебя люблю...

— Вотъ ты всегда такъ,
Капа, перестань Капа, не
душі меня, а почему у
тебя на глазахъ слезы?

Ужъ ты такая, Капа, такая...

— Александра Карловна не
могла найти даже слова —
ты, Капа, неосновательная...

— Можетъ быть, можетъ быть! У меня
отецъ тоже былъ неосновательный. Правда,
говорили, онъ однажды влюбился, бросилъ нась
совсѣмъ и сбѣжалъ въ Вѣну — когда я ма-
ленькой была? Значить, настоящій человѣкъ,
игралъ, пилъ, увлекался... Я, можетъ, тоже
пьяница...

(Окончаніе слѣдуетъ)

Бор. Зайдевъ

Н. К. Рерихъ
„Тсонг-Кха-Па“
Рис. итальянск. каранд. Собств. В. А. Шибаева.
Рига

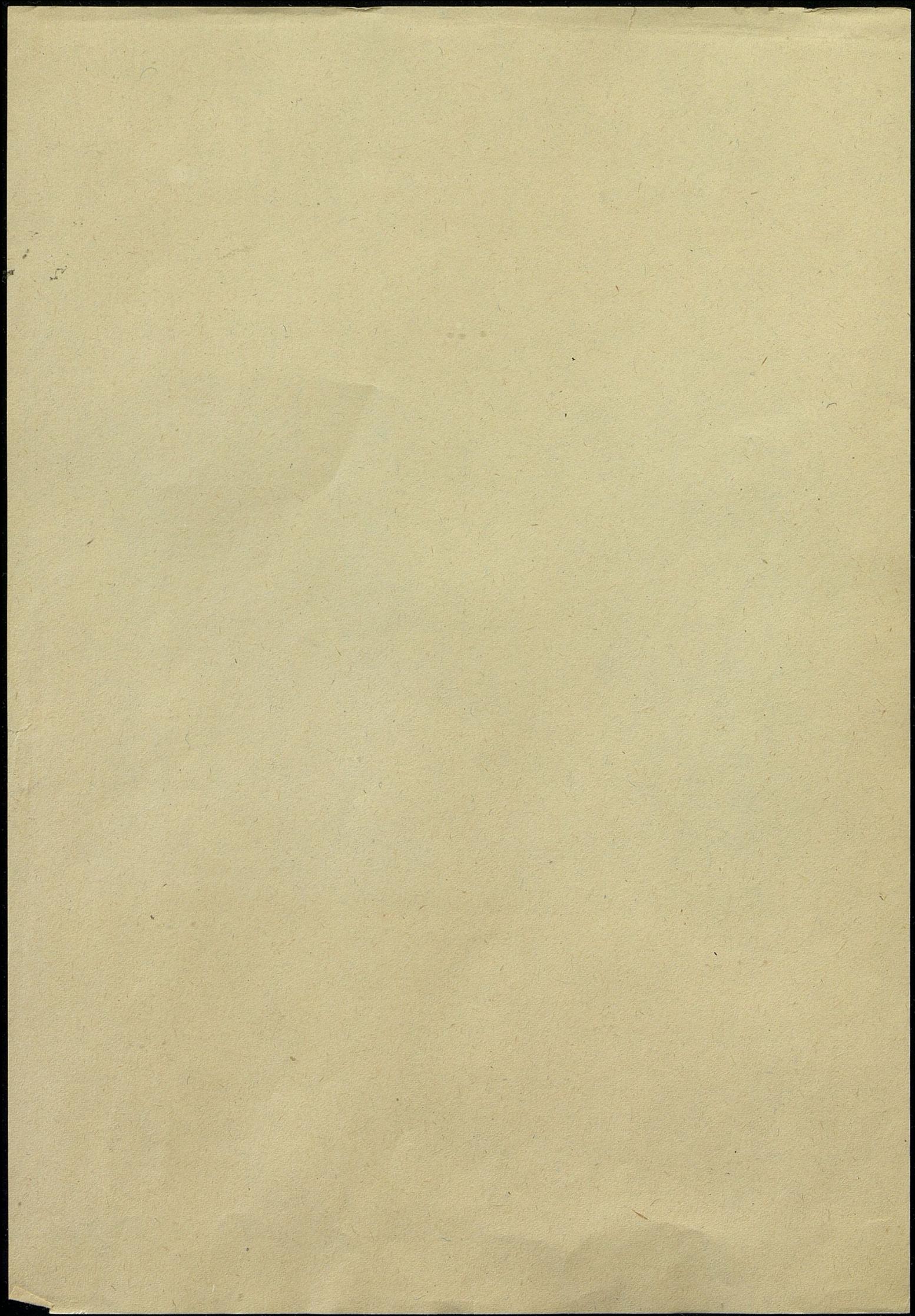
Н. К. Рерихъ

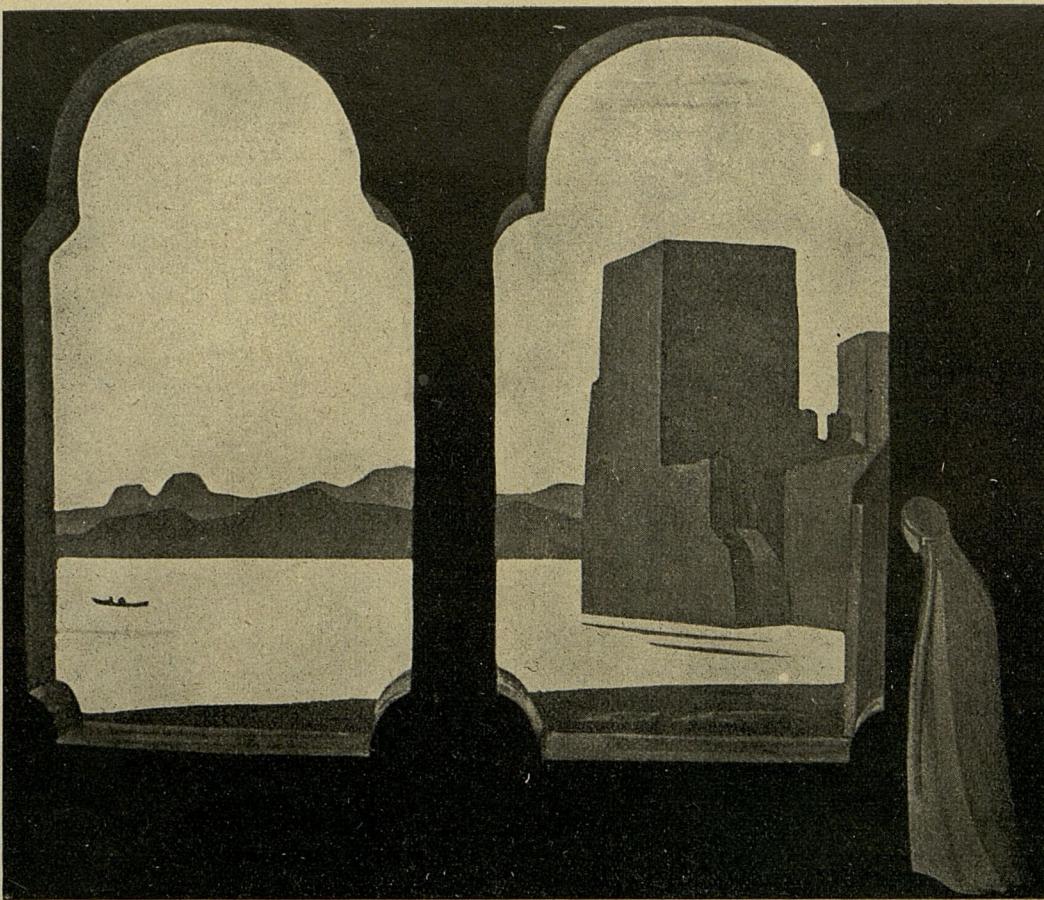
„Садъ Леля“

Н. К. Рерихъ

„Намзé“. Серія „Сиккимъ“

Н. К. Рерихъ

„Cor ardens“

А. КУПРИНЪ

ПУНЦОВАЯ КРОВЬ

(Окончаніе)

На барьерѣ повѣсили новый аншлагъ: „Guadilla de Freg“. И сейчасъ же, какъ изъ подъ земли выросла и разбѣжалась по аренѣ эта кадрилья. По публикѣ пронеслось, подобно электричеству, сдержанное оживленіе. Отъ Луиса Фрега ждали многаго. Ему только 35 лѣтъ, но онъ самый старшій изъ современныхъ матадоровъ. Онъ носилъ титулъ доктора тавромахіи, данный ему самимъ Лагартилло Чико; въ высокое званіе матадора его посвятилъ великій Мазантинито. Въ 23-емъ году онъ былъ опасно раненъ быкомъ изъ Ганадеріи Матіоса Санхеса, но уже въ 24-омъ году онъ одержалъ много блестящихъ побѣдъ, а въ сентябрѣ прошлаго года убилъ своихъ двухъ быковъ на мадридской коридѣ съ такимъ мастерствомъ, что былъ восторженно привѣтствованъ 10-ти тысячной толпой и вынесенъ на рукахъ съ арены. Печать, за его дерзкую отвагу, дала ему прозвище „Torrero de l'emotion“ — тореодоръ, дающій сильныя ощущенія. Онъ самъ невысокаго роста, истроенъ; въ движеніяхъ

его есть наигранная шаблонная грація, и ему присущи нѣсколько актерскіе жесты.

Выѣхали двое пикадоровъ на высоченныхъ костлявыхъ лошадяхъ. У каждой лѣвой глазъ былъ наискось завязанъ темной косынкой. Они расположились подъ нами въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, спинами къ публикѣ.

Выѣжалъ быкъ, черный, какъ и всѣ „Торо“ Ганадеріи Арданы, съ сѣрыми просѣдинами на крупѣ и на ляжкахъ, очень живой и предпріимчивый. Но напрасно мы ожидали горячей борьбы и жуткихъ ощущеній. Фрегъ ежеминутно терялъ удобные моменты, часто отступалъ, промахивался, или вонзалъ бандерилии такъ слабо, что они тотчасъ же валились на песокъ. И вся его кадрилья работала вяло, не вдохновляемая примѣромъ своего главы. Только лишь одинъ изъ бандерильеровъ, въ голубомъ шелковомъ костюмѣ, сплошь затканномъ золотомъ, выгодно выдѣлялся изъ всѣхъ. Онъ невольно обращалъ на себя вниманіе изяществомъ и увѣренностью движеній. Отъ

22

разъяренного быка онъ не спасался бѣгствомъ, но подпускалъ его вплотную къ себѣ въ его разбѣгѣ, даваль ему дорогу и вѣжливо пропускалъ.

Указывая на него, мой пріятель, далеко не впервые посѣтившій корриду, сказалъ мнѣ тономъ знатока:

— Посмотрите на этого, голубого съ золотомъ. Его ждетъ большая карьера.

Заунывная труба возвѣстила срокъ выступленія пикадоровъ. Одинъ изъ нихъ на сѣро длинной клячѣ выдвинулъся впередъ и бандерильеры, маневрируя своими яркими плащами, подвели быка, незамѣтно для него, совсѣмъ близко къ лошади. Быкъ увидѣлъ и остановился. Тогда пикадоръ шпорами и поводомъ повернула лошадь такъ, что она пришла къ быку лѣвымъ бокомъ и лѣвымъ слѣпымъ глазомъ. Все остальное произошло въ мгновеніе. Низко склонивъ голову, быкъ рванулъся къ лошади и, ударивъ ее рогами въ животъ, поднялъ на воздухъ. Копье пикадора не остановило его ни на секунду. Мигомъ здѣсь образовалась пестрая каша: быкъ, лошадь, упавшій пикадоръ, Фрегъ, бандерильеры и пеоны. Но голубой съ золотомъ быстро и легко отвелъ быка своимъ пунцовыми плащами. У сѣрої лошади жалко подгибались заднія ноги и изъ разорваннаго живота выползали наружу кишкі, сѣрыя и желтая, тускло блестѣвшія слизью надѣ ослѣпительнымъ солнцемъ. Наконецъ она присѣла на задъ и повалилась на бокъ. Ахъ нѣть! Я не знаю болѣе печальнаго зрѣлища, чѣмъ изздыхающая или дохлая лошадь въ лежачемъ положеніи. Ея животъ кажется такимъ раздутымъ, плечи такими узкими, шея такой плоской и длинной, а голова такой маленькой! Я до сихъ поръ помню острія слезы, которыя закипѣли въ моей груди, когда въ концѣ 1917-го года я

увидѣлъ лошадиную падаль, валявшуюся на Иэмайловскомъ проспектѣ, у плевненскаго памятника и никѣмъ не убиравшуюся нѣсколько дней... Но впрочемъ, къ чему эти домашнія воспоминанія? Мимо.

Первую лошадь докололь пунтиллера. Вторую, гнѣдую, быкъ убилъ наповалъ: она, лежа на пескѣ, только подрыгала немного задними ногами, судорожно вытягивая ихъ и замерла. Тотчасъ же прибѣжали пеоны и покрыли оба трупа брезентами. Получились плоскіе, сѣренѣкіе, сморщенныя могильные холмики. Роковая труба возвѣстила, между тѣмъ, послѣднее единоборство.

И тутъ то Луисъ Фрегъ оказался безконечно ниже своей прославленной, міровой репутаціи. Неудача за неудачей, неловкость за неловкостью преслѣдовали его. Онъ колебался, пытался отъ быка, робко пропускалъ выгодные моменты. Два раза выпады его были безрезультатны. Тутъ я кстати запомнилъ одну подробность, которую не уловилъ у дона Ганеро: всадивъ клинокъ въ быка глубоко, но не смертельно, матадоръ не извлекаетъ его обратно, а оставляетъ его торчать въ тѣлѣ рукояткою наружу. А ему подаютъ черезъ барьеръ новую и новую шпаги. Передъ третьимъ ударомъ, Фрегъ казался совсѣмъ беспомощнымъ и безцѣльно совалъ остріемъ въ воздухъ. Чей то грубый басъ съ галерки крикнулъ нетерпѣливо: Mata lo! (убей его).

И мгновенно весь амфитеатръ подхватилъ этотъ крикъ: „Mata lo! Mata lo!“

Тысячи оглушительныхъ свистковъ пронзили воздухъ. Тысяча здоровыхъ глотокъ закричала грозно и зловѣщѣ: Угу! Угу! Угу! — совсѣмъ такъ, какъ кричать по ночамъ наши сѣверные, огромные, бѣлые филины. И мнѣ стало немного жутко.

Мнѣ кажется, что третій ударъ Фрегъ на-

Н. К. Рерихъ

„Сонъ Востока“

несь закрывъ глаза. Быкъ послѣ него стоялъ на мѣстѣ, а Фрегъ отступилъ назадъ, слегка пошатываясь. Тогда одинъ изъ бандерильеровъ, подойдя близко къ быку, потрясъ у него передъ глазами плащемъ и сразу повель плащъ назадъ. Быкъ круто повернулся вслѣдъ плащу тѣломъ, но ноги не успѣлъ передвинуть; онъ перепелись и быкъ рухнулъ на землю. Въ ту же секунду пунтиллера осѣдалъ его сзади и прикончилъ мгновеннымъ ударомъ. Свистъ, крикъ, визгъ, ругательства и проклятія переполнили всю арену сверху до низу. Когда мертваго быка увезли мулы, то на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, осталась огромная, черная пунцовава лужа крови.

* * *

Коррида не знаетъ остановокъ и перерывовъ. Со слѣдующимъ быкомъ немедленно долженъ былъ сразиться все тотъ же злополучный Фрегъ. Но чья-то милостивая душа дала ему передышку. На арену вышла кадрилья Никанора Віяльта во главѣ со своимъ молодымъ матадоромъ, въ которомъ я и мой сосѣдъ тотчасъ же узнали изящнаго бандерильера, голубого съ золотомъ, такъ замѣтно блеставшаго въ предыдущемъ состязаніи.

То участіе было съ его стороны рыцарской услугой товарищу и почетъ старшему мэтру. Я позднѣе узналъ о томъ, что именно Луисомъ Фрегомъ былъ посвященъ Никаноръ Віяльта въ высокое званіе матадора 6-го Августа 1922 г. въ Сенъ-Себастіанѣ, а мнѣ давно извѣстно, какимъ безкорыстнымъуваженіемъ окружаютъ люди силы, риска и отваги своихъ учителей.

Эта часть программы прошла безукоризненно при неослабѣвающемъ восторгѣ зрителей. Кадрилья, прекрасно одѣтая, и чудесно подобранная, работала легко и весело, точно забавляясь игрою со смертью. Віяльта показалъ себѣ во всемъ блескѣ молодости, естественной грации и совершенного владѣнія страшнымъ искусствомъ тавромахіи. И быкъ, съ которымъ суждено было сразиться этому голубому съ золотомъ матадору, являлъ собою образецъ дикой красоты и свирѣпой мощи.

Онъ не вышелъ, а ворвался ураганомъ на арену. Не дожидаясь вызова со стороны людей, онъ бросился на первую мелькнувшую ему въ глаза, сверкающую золотомъ фигуру и погналъ ее вдоль барьера. Но вдругъ бросиль ее, круто повернулся вбокъ и помчался за пунцовыми плащемъ. И съ разбѣга внезапно остановился на самой серединѣ амфитеатра, застывъ неподвижно, какъ великолѣпное изваяніе изъ чернаго мрамора. Я четко видѣлъ его въ профиль. Онъ казался мнѣ чернымъ силу-

этомъ на золотомъ фонѣ. Какой плавной дивной линіей была очерчена его фигура: крутая мощная морда, широкая и короткая шея съ надменнымъ подгрудникомъ и стройное возвышение холки, переходящее въ покатую крѣпкую спину. Онъ былъ на низкихъ тонкихъ ногахъ, широкогрудый и поджарый, вовсе не родственникъ коровѣ или теленку,—дикій звѣрь, равный по своеобразной красотѣ лошади, но превосходящій ее выраженіемъ силы и отваги. Вокругъ меня заматерѣлые поклонники боя быковъ сладостно вздыхали и чмокали языками, глядя на него. Право, какъ жалко, что въ наши дни программы не сообщаютъ именъ такихъ благородныхъ быковъ!

А въ это время Никаноръ Віяльта переходилъ неторопливо отъ судейской трибуны на противоположную сторону, пересѣкъ тѣнѣ и свѣтѣ, лежавшіе на аренѣ. Онъ держался прямо, непринужденно и со спокойнымъ достоинствомъ. Его походка была увѣренна, легка и красива, голова высоко поднята. И весь онъ былъ воплощеніе красоты мужскаго тѣла. Онъ близко прошелъ мимо

быка, и оба они точно не замѣтили другъ друга, не повернули головъ. Но моей фантазіи показалось, что на короткую секунду ихъ боковые взоры встрѣтились и сказали: сейчасъ увидимся.

Весь амфитеатръ, всѣ десять тысячъ человѣкъ слѣдили, не отрываясь, за каждымъ его движениемъ. Зрители высунулись впередъ и перегнулись на своихъ сидѣньяхъ, заднѣ легли на плечи переднихъ. Стало тихо.

Віяльта подошелъ къ красному барьери, остановился противъ одной изъ ложъ. Не спѣша снялъ правой рукой береть и сдѣлалъ глубокій почтительный поклонъ. Вокругъ меня торопливо зашептали растроганные голоса:

— Мама! Мама! Мадре! Мама! Мадре! Это его мать!

Віяльта выпрямился и легкимъ круглымъ жестомъ бросиль свой береть черезъ барьерь въ черную многочисленную людскую массу. Тотчасъ же десятки услужливыхъ рукъ передали его туда, куда слѣдуетъ. Худенькая, еще не старая женщина, желтолицая и черноглазая, въ темномъ платьѣ, съ черной кружевной шалью на головѣ, спокойно приняла береть и отвѣтила медленнымъ едва замѣтнымъ наклономъ головы. Такъ посвятилъ Віяльта своей матери этого прекраснѣйшаго изъ быковъ, котораго онъ сейчасъ убьетъ во славу Испаніи и въ честь обожаемой женщины.

И вотъ закипѣла, закружилась, завертѣлась, засверкала блескомъ золота и яркостью красокъ коррида. Никанору Віяльта подали двѣ бандерильи, обвитыхъ и разукрашенныхъ лен-

Пикадоръ

тами. Онъ взялъ ихъ кулаками за тупые концы и высоко поднялъ надъ головой, острями внизъ и, такъ держа ихъ, побѣжалъ прямо на быка, едва прикасаясь голубыми ногами къ желтому песку. Быкъ понесся ему навстрѣчу. Ни человѣкъ, ни животное не сворачиваются съ прямой линіи. Сейчасъ они столкнутся.

Хочется закрыть глаза отъ ужаса... и не можешь!

И вотъ столкновеніе. Поднятая вверхъ руки Віяльта быстро, разомъ опускаются. Быкъ мгновенно остановился. Віяльта дѣлаетъ шагъ въ сторону. Въ затылкѣ у быка торчатъ, наклонившись въ разныя стороны, и покачиваются двѣ пестрыя бандериллы. „Оле, Віяльта! Оле! Оле!“ — кричать оглушительно зрители и плещутъ ладонями. Пунцовыі плащъ бандерильера застилаетъ на минуту глаза быку и увлекаетъ его въ другую сторону. А пеонъ подаетъ Никанору Віяльто двѣ новыя бандериллы. И такъ четыре раза подрядъ, съ той же ловкостью и точностью украсилъ смѣлый матадоръ своего быка восемью колючими, многоленточными, яркими стрѣлами.

Но быкъ не уставалъ и не утишалъ своего гнѣва. Двухъ лошадей онъ поднялъ на рога и бросиль на землю съ поразительной силой и быстротою; одинъ изъ пикадоровъ ушелъ съ арены безъ шляпы, держась обѣими руками за ушибленную голову.

Та же судьба постигла бы и третью лошадь, если бы не запѣлъ свою грустную мелодію мѣдный рожокъ, зовущій къ послѣднему поединку.

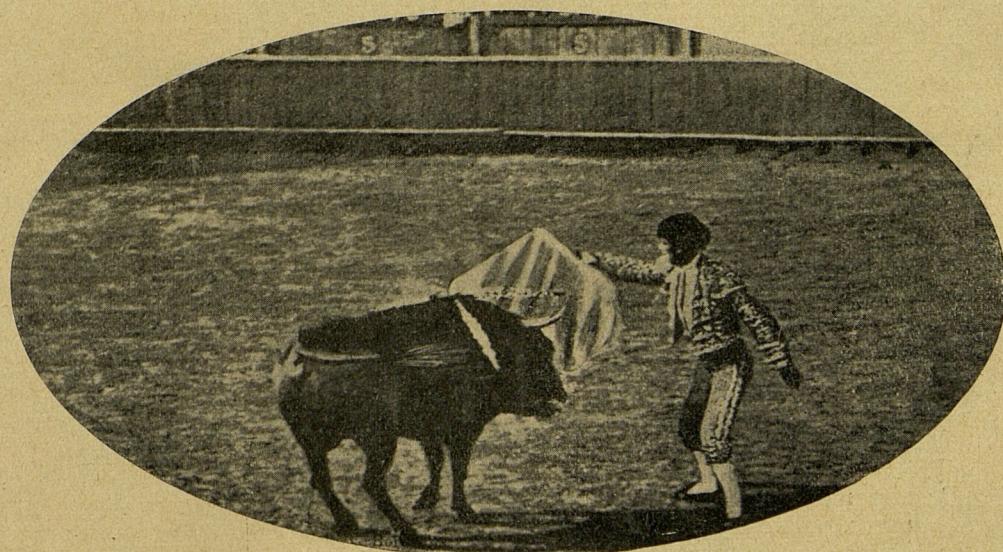
* * *

Никанору Віяльта принесли мулету — красный квадратный флагъ, нанизанный одной стороной на невидимую тонкую палку. Держа ее въ лѣвой рукѣ, онъ подошелъ къ барьеру, подъ судейской ложей. Ему подали шпагу съ длин-

нымъ узкимъ клинкомъ, холодно и тускло блестѣвшимъ бѣло-синей сталью. Его поднятая кверху голова была обнажена и можно было видѣть на затылкѣ традиціонную косичку, наивно связанныю узломъ. Такъ онъ стоялъ, произнося короткую клятву въ томъ, что убьетъ своего быка, согласно древнимъ священнымъ обычаемъ, въ прямомъ и открытомъ бою, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ или ухищреніямъ, во славу Испаніи, въ честь обожаемой женщины и для возвеличенія благородного искусства тавромахіи. Затѣмъ онъ передалъ въ правую руку мулету, тщательно прикрывъ красной матеріей зловѣщую сталь шпаги. Быкъ долженъ увидѣть обнаженную шпагу лишь передъ самимъ послѣднимъ, самымъ рѣшительнымъ, самымъ страшнымъ моментомъ.

Игра красной мулетой передъ глазами быка, скользя небрежными пируэтами около самыхъ остріевъ его рогъ, Віяльта съ математической точностью подводитъ его къ тому самому мѣсту, на которомъ онъ приносилъ присягу. Здѣсь онъ останавливается, и бандерильеры, — размѣщаясь сзади и сбоку быка. Быкъ весь въ пунцовой крови и съ пѣной у рта, но онъ также свѣжъ и силенъ, какъ при своемъ появлѣніи на аренѣ. Глядя на мѣрные движения его боковъ, я чувствую, что его дыханіе неспѣшно и глубоко.

И вотъ, охвативъ лѣвой рукой красную матерію мулеты, точно ножны, Віяльта медленно вытягиваетъ изъ нея шпагу, такъ медленно, какъ будто бы онъ обтираетъ сталь отъ крови. И, когда шпага обнажена, онъ тихо опускаетъ ее сверху внизъ и вытягиваетъ горизонтально надъ головой быка, между завитыми, острыми, грозными рогами. Это прямой вызовъ. Теперь человѣкъ ждетъ отвѣта отъ животнаго. Ихъ раздѣляетъ только шагъ разстоянія, и одному Богу известно, чья душа — человѣка

Игра мулетой

или животнаго пойдетъ сейчасъ по невѣдомому пути.

И быкъ принимаетъ вызовъ. Онъ чувствуетъ, что вся предыдущая борьба, гдѣ люди были такъ жестоки, такъ ненавистны и такъ неуловимы, окончилась.

Тотъ, что стоитъ теперь неподвижно передъ нимъ, сверкая золотомъ, не подбѣжитъ и не отступить. Остается одно: быстро склонить голову и мгновеннымъ напоромъ вонзить рога въ это столь близкое и тонкое тѣло. И быкъ это дѣлаетъ съ той звѣриной быстротою, которая теперь уже непостижима и недоступна слабому, выродившемуся человѣку. Но убравъ внизъ голову, онъ на одну неуловимо-малую долю секунды открывается для шпаги свой подзатыльникъ. Одинъ мигъ. Человѣкъ и быкъ точно скользнули другъ на друга. Какая тишина кругомъ!

И вотъ Віяльта отступилъ на полшага, опустивъ внизъ теперь уже обезоруженные руки. Быкъ остается на мѣстѣ. Среди пеоновъ движение; они готовы броситься и помочь, но Віяльта повелительно вытягиваетъ впередъ руку съ поднятой ладонью: „Нельзя“! Быкъ все еще стоитъ на четырехъ ногахъ, но уже слегка покачивается. Ноги его начинаютъ вздрагивать, колѣни сгибаются. Онъ теряетъ устойчивость и падаетъ. Пробуетъ подняться. Нѣтъ, все кончено. Ложится на бокъ. Судороги бѣгутъ по его тѣлу и по конечностямъ. Аминь.

Какая буря воплей и апплодисментовъ! Принявъ съ низкимъ поклономъ свой беретъ изъ ложи, Віяльта идетъ вдоль барьера. Шляпы, портсигары, платки, браслеты, сигары летятъ по его пути на арену. Онъ безъ всякаго усилия нагибается, поднимаетъ эти предметы и необыкновенно ловко бросаетъ ихъ обратно, заставляя вращаться на лету. Радостно смотрѣть на его обращенное кверху лицо. Онъ сіяеть торжествомъ побѣды и великолѣпнымъ счастiemъ жизни.

О второмъ выступлениі Фрега не стоитъ и говорить. Въ промежуткахъ между неудачными эстокадами, онъ отъ волненія пилъ воду, и стаканъ дрожалъ въ его рукахъ. Онъ пробовалъ ударить быка не голой шпагой, а подъ прикрытиемъ мулеты, за что былъ освистанъ и обруганъ толпой. Ему кричали: *A la puerto!* (за двери; вонь) и другія, непонятныя мнѣ, громкія слова. Бѣдный совсѣмъ „потеряль сердце“ что случается впрочемъ не только у матадоровъ, но и у жокеевъ, и у авіаторовъ.

Умолчу и о второмъ турѣ Віяльта. Ему попался огромный, грубый, тупонервный, черногрязный быкъ, съ мрачной наружностью профессионального убийцы. Его правое ухо, по постановленію судей, было отрѣзано и поднесено Никанору Віяльта.

Декабрь 1925 г.

Парижъ

А. Купринъ

Н. Н. Бѣлоцѣтовъ

ТРУБКА МИРА

(Отзвуки Атлантиды)

Двѣнадцать ихъ всего,
Двѣнадцать ихъ, кумировъ,
Средь ночи міровой
Сидятъ за трубкой мира.

Двѣнадцать ихъ всего
Вокругъ костра толпятся,
И топливо въ него
Швыряютъ всѣ двѣнадцать.

Сгораетъ съ трескомъ прахъ
И пахнетъ шерстью волчьей.
Двѣнадцать у костра
Покуривають, молча.

Какъ старецъ — дымъ сѣдой,
Какъ зарево — ихъ лица.
О, что тамъ, въ трубкѣ той,
Что въ трубкѣ той дымится?

О, горкій, горкій чадъ!
Протяжно затяжкой
Вдохнуть и замолчатъ,
И вздохъ испустятъ тяжко:

„Все временное — дымъ!“
И курево по кругу
За дымомъ тѣмъ сѣдымъ
Даютъ они другъ другу.

Берлинъ

И каждый разъ, когда
Вдыхаютъ воздухъ горкій,
Стенаются города
Отъ войнъ и грозныхъ оргий.

И каждый разъ, когда
Костра взрастаетъ пламя,
Проносится бѣда,
Нежданная, надъ нами.

И долгій слышенъ вопль.
Трясетъ и корчитъ землю.
Но тамъ у нихъ тепло,
А намъ они не внѣмлють.

Лишь сзади все грозный
Въ пространствахъ выростая,
Отверженныхъ тѣней,
Гіенъ толпится стая.

И зрять къ лицу лицомъ
Встревоженные боги,
Какъ тѣнью за кольцомъ
Сторожитъ ихъ двугоргій.

„О, еслибы разсвѣть!“
Вдругъ вымолятъ съ тревогой.
Но нѣтъ! Разсвѣта нѣтъ!
И нѣтъ надъ Богомъ Бога.

Николай Бѣлоцѣтовъ

ИЗЪ ОБЛАСТИ ИСКУССТВА

Рис. Ю. Г. Рыковского. Костюмъ
Орнульфа

"СЪВЕРНЫЕ БОГАТЫРИ" ИБ- СЕНА ВЪ РУССКОЙ ДРАМѢ (РИГА)

Это былъ прекрасный спектакль. Онъ свидѣтельствовалъ, съ одной стороны, о вниманіи къ самому репертуару, — вѣдь "Сѣверные богатыри" одна изъ лучшихъ пьесъ Ибсена, — съ другой — о щатальной и дружной работѣ г.г. артистовъ Русской Драмы и, наконецъ, о художественныхъ достиженихъ выявленныхъ въ спектаклѣ, обт ансамблѣ, показанномъ въ немъ, гдѣ игра артистовъ, ея характеръ были объединены общимъ тономъ, колоритомъ, чemu отвѣчала и сама постановка въ режиссурѣ Е. Жихаревой, костюмахъ и декораціяхъ художниковъ Рыковскаго и Антонова.

Роли Йордисъ, Дагни, Орнульфа, Сигурда нашли себѣ художественное выраженіе въ лицѣ Е. Жихаревой — (Йордисъ), Е. Бунчукъ — (Дагни), Н. Булатова — (Орнульфъ) и Н. Барабанова — (Сигурдъ). Высокій стиль ибсеновской пьесы былъ выдержанъ въ игрѣ этихъ артистовъ съ начала до конца. Моральный паѳосъ "Богатырей" — "не можетъ быть личное счастье построено на лжи передъ самимъ собою" — одухотворялъ эту игру, которая никогда и ни въ чемъ не сбивалась на пустую декларацию и риторику, а это послѣднее легко могло стать доминирующими. Талантъ артистовъ помогъ въ данномъ случаѣ удержаться имъ въ предѣлахъ подлиннаго сценическаго искусства.

Мы помѣщаемъ здѣсь эскизы костюмовъ художн. Рыковскаго и декораціи художн. Антонова. Прекрасны одно и другое. Г. Рыковский обнаружилъ въ своихъ эскизахъ-картинахъ большое знаніе стиля и незаурядное

графическое дарованіе. Отъ декораціи г. Антонова вѣтеть отчасти Рерихъ, но это лишь показываетъ, какъ глубоко и вѣрно художникъ подошелъ къ избранной темѣ.

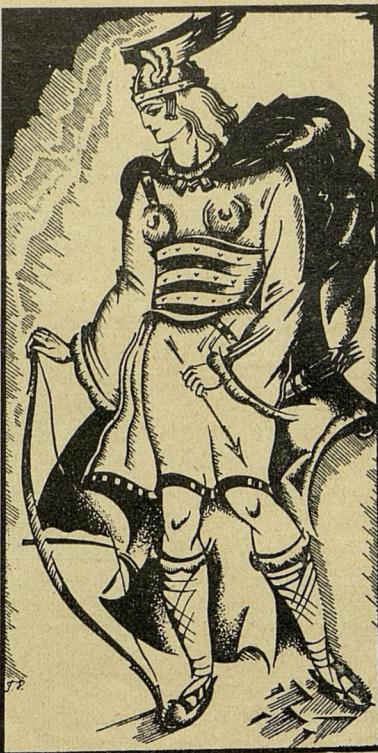
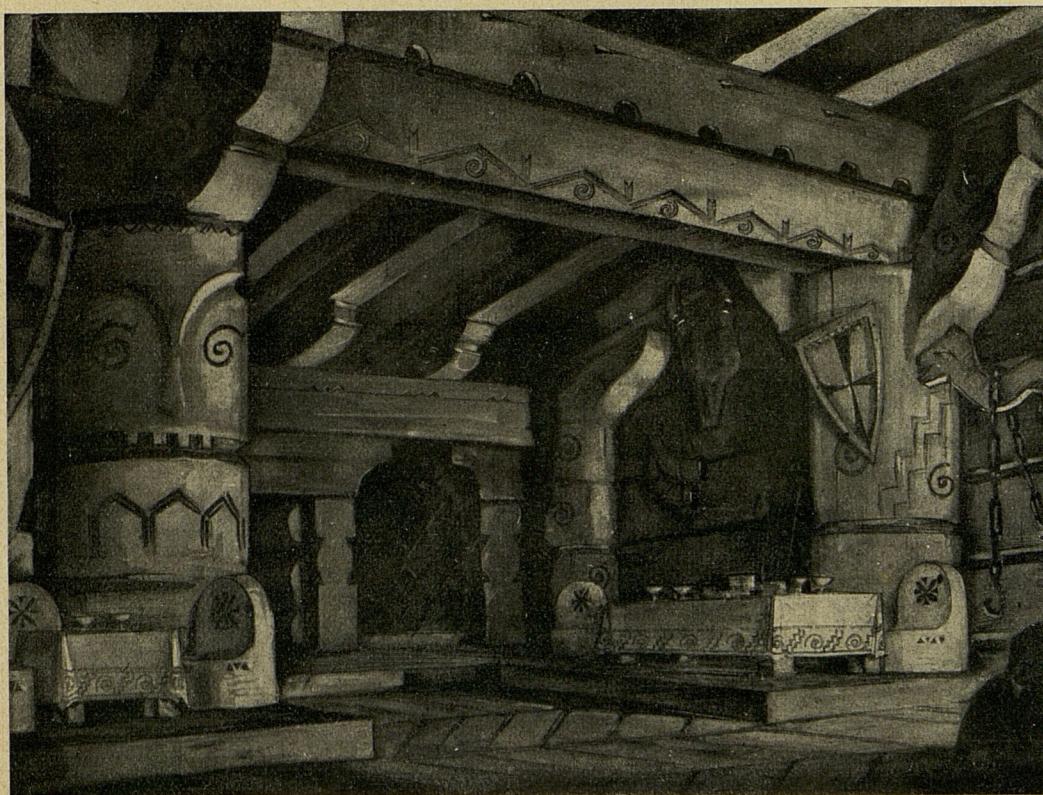

Рис. Ю. Г. Рыковского. Костюмъ
Йордисъ

Ник. Анинь

Эскизъ декор. С. Н. Антонова къ "Сѣвернымъ богатырямъ" (II дѣйствіе)

Отъ Издательства „Перезвоны“.

Въ виду оборудованія собственной цинкографіи Издательство „Перезвоны“ получило возможность увеличить въ каждомъ номерѣ количество цвѣтныхъ репродукцій, столь необходимыхъ для полноты освѣщенія творчества художниковъ, а потому со слѣдующаго номера (№ 14) въ журналѣ будеть помѣщаться по 4 цвѣтныхъ репродукціи вмѣсто прежнихъ 2 и одновременно объемъ журнала увеличенъ до 36 страницъ текста (не считая цвѣтныхъ репродукцій).

Принимая-же во вниманіе необходимость повышенія платы при этомъ и затруднительность для значительной массы русской эмиграціи пріобрѣтать 4 раза въ мѣсяцъ, журналъ хотя-бы и не по высокой цѣнѣ — Издательство

- 1) переходитъ на **выпускъ журнала лишь два раза въ мѣсяцъ,**
- 2) плату повышаетъ лишь **до 50 рублей за номеръ.**

Такимъ образомъ, при платѣ въ 100 руб. въ мѣсяцъ читатель получить то-же число цвѣтныхъ репродукцій, что и раньше за 160 руб., при незначительномъ лишь сокращеніи общаго числа одноцвѣтныхъ репродукцій и литературнаго матеріала въ двухъ номерахъ увеличенаго объема противъ 4 прежнихъ.

Цѣна номера, начиная съ № 14, — въ Латвіи 50 руб., заграницей 25 ам. цент.

Подписная плата съ 1 МАРТА

на 3 мѣсяца въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 литовъ, заграницей — 1 дол. 50 цент. amer.

на 1 мѣсяцъ въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 литовъ, заграницей — 50 ам. цент.

Подписная плата за комплекти Январь-февраль (5 №№ прежняго объема и 1 увеличенного): въ Латвіи — 250 руб., съ Эстоніи — 400 эст. мар., въ Литвѣ — 12 литовъ, заграницей — 1 дол. 25 цент.

Комплектъ за 1925 г. — №№ 1—8 высылается:

за 6 латовъ въ Латвіи, 15 литовъ въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. ам. заграницей.

Подписная плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек. счетъ № 916 — Riga, Post-Schek Conto № 916.

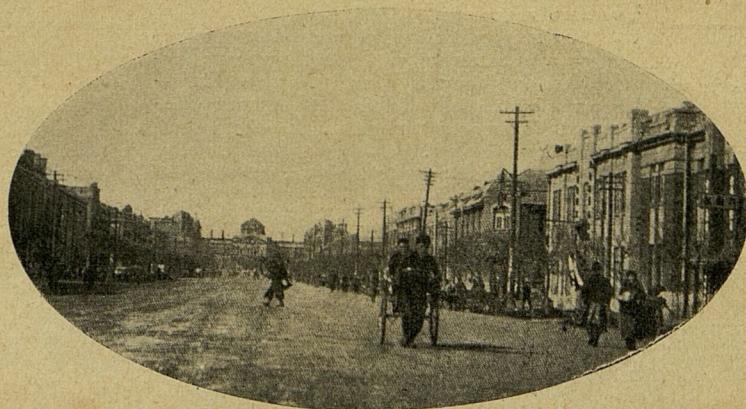
Подписчики, желающіе получить журналъ **заказной** бандеролью, приплачиваютъ 5 америк. центовъ за № (въ Латвіи — 25 сант.)

ПО БѢЛУ СВѢТУ

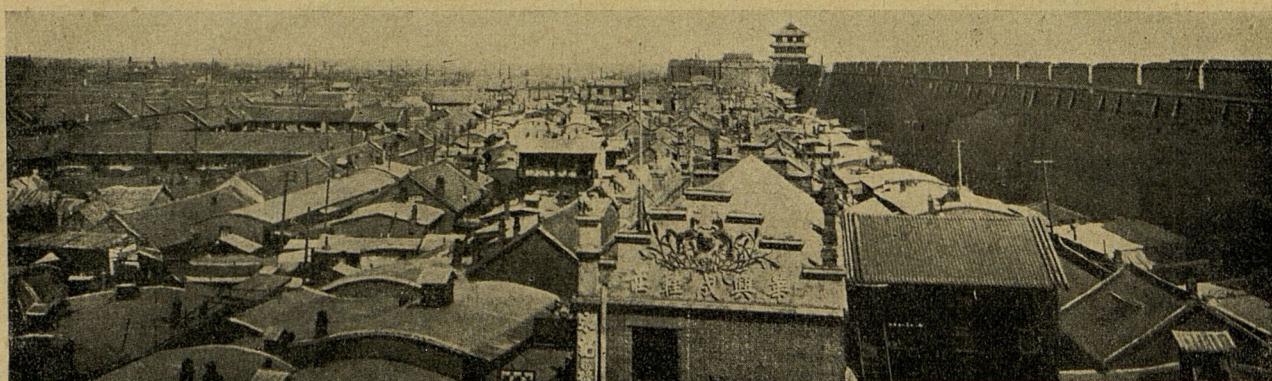
КЪ СОБЫТИЯМЪ НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКЪ

Мукденъ. Улица въ китайской части города

Мукденъ. Улица Нанивара — въ японской части города.
На заднемъ планѣ — вокзалъ

Мукденъ. Общий видъ на китайскую часть города — съ городской стѣны

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ПЕРЕЗВОНЫ“ № 13

Н. К. РЕРИХЪ

„МОНАСТЫРЬ“

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ ПРОФ. К. Ф. ЖАКОВА

20-го января скончался въ Ригѣ на койкѣ городской больницы проф. К. Ф. Жаковъ, зырянинъ по національности, талантливый самородокъ, рѣдкий идеалистъ и фанатичный искатель правды жизни...

„Сквозь строй жизни“ — такъ вѣрно называлъ онъ свою автобиографію, изложенную въ формѣ романа и имѣвшую въ свое время шумный успѣхъ. Книга эта и не могла не имѣть успѣха, потому что въ ней, съ рѣдкой искренностью и высокопробной честностью, рассказана вся жизнь мятущагося человѣка, родившагося въ глухой зырянской деревушкѣ, до 10 лѣтъ неграмотнаго и говорившаго только по-зырянски, а черезъ 35 лѣтъ вернувшагося въ родной зырянский край профессоромъ и поэтомъ.

Послѣ Ломоносова, разумѣется, не такъ ужъ удивительно наблюдать, какъ зырянскій „каги“ (ребенокъ) проходитъ въ профессора, но въ биографіи Жакова есть нечто такое, чего нѣтъ въ героической биографіи Ломоносова: неусыпное исканіе внутренней Божьей правды...

Домашнее „образованіе“ у брата-солдата... Чтеніе псалтыри по покойникамъ... Работа по „богомазной части“ съ отцомъ... Потомъ — уѣздное училище со свидѣтельствомъ о бѣдности изъ волостного правленія...

А дальше пошли этапы: учительская семинарія, добываніе горькаго куска хлѣба чернорабочими на Холуницкомъ заводѣ, реальное училище, лѣсной институтъ... затѣмъ — послушникъ монастыря и, наконецъ, студентъ университета...

Но гдѣ бы и чѣмъ ни встрѣчала его жизнь, — онъ вездѣ остается одинъ и тотъ же, онъ въ вѣчной погонѣ за „истинной сутью вещей“...

Онъ нигдѣ не видитъ этой не дающейся „правды-истинѣ“ и въ отчаяніи плачетъ: „Отець Благой, зачѣмъ такъ много узналъ я? Заѣмъ Ты далъ такъ много мнѣ, лѣсному человѣку?“

И это были не пустыя патетическія слова. Онъ дважды покушался на самоубійство, не принявъ грубыхъ выводовъ поэтической школы, убийственно оскорбляющей богословство человѣка. Ученой смердяковщины не перенесъ лѣсной дикарь...

Исцѣли Жакова философія Бернбули: безъ метафизики невозможно никакое познаніе чего бы то ни было...

Молодого зырянина долго непускали въ университетъ, и только въ 30 лѣтъ его плечи покрылись студенческій мундиръ.

И тутъ, въ университетѣ, — та же погоня за правдой, не удовлетворяющая готовыми выводами и авторитетомъ профессоровъ. Тутъ то же ученое упрямство лѣсного человѣка — до всего добратись собственнымъ крѣпкимъ зырянскимъ мозгомъ.

Естественный факультетъ, потомъ математический, психологический семинарій Челпанова, филологический факультетъ, астрономія.

И было это не порханіе маменькинаго сынка, отыскивающаго „гдѣ полегче“, а мучительная работа отвѣтственно работающаго человѣка, „одержимаго“, или, какъ говорили про него — „неистового Каллистрата“.

Въ оригиналахъ онъ читаетъ „Калевалу“, Гете, Байрона, Шелли. Получаетъ воспаленіе легкихъ, мѣрзнувши на вышкѣ обсерваторіи. Пишетъ прекрасные психологические этюды, сочиненія филологическая и историческая на конкурсъ... И все дѣлаетъ вдохновенно, ярко и страстно.

И, наконецъ, — профессорская кафедра и многолѣтняя

работа о Памѣ-Бурморѣ, — очаровательный зырянскій эпосъ, дающій Жакову право считать себя Гомеромъ русского Сѣвера.

Послѣдніе годы К. Ф. провѣль въ Ригѣ (послѣ недолгаго пребыванія въ Гельсингфорскомъ университѣтѣ и въ Эстоніи).

Здѣсь онъ читалъ лекціи (и зиму, и лето непрерывно — по 2 лекціи въ недѣлю) на философскія темы, разрабатывая проблемы лимитивной философіи. (Limes — предѣлъ).

Всякое научное знаніе, освѣщающее явленія природы, упирается въ концѣ концовъ въ предѣльную категорію, не поддающіяся дальнѣйшему научному объясненію и непонятнѣя „человѣческому“ разуму — матерія, сила, время, пространство и т. д., „грани міра“, какъ называлъ ихъ проф. Жаковъ.

Что такое, напр. пространство? Человѣческий разумъ не можетъ постичь ни безконечности пространства, ни конца его, а въ то же время нельзя и отрицать это непостижимое пространство, какъ это дѣлаютъ материалисты по отношенію къ „непостижимому“ Богу — „непостижимость“ здѣсь должна быть признана какъ фактъ, можетъ быть и непрѣятный человѣческому разуму...

Изученіе этихъ „предѣловъ“ человѣческаго знанія и приводитъ къ необходимости религіознаго пониманія міра, въ виду недостаточности пониманія научнаго, приводитъ къ единенію науки и религії, рассматривающихъ міръ съ разныхъ точекъ зренія.

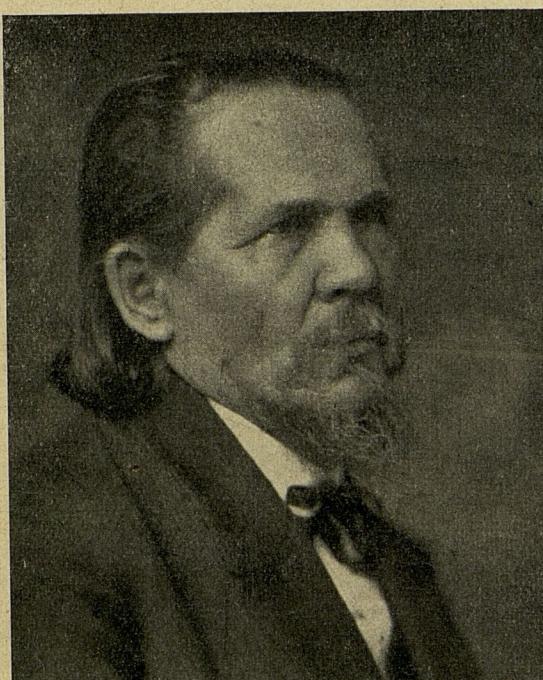
Религіозное пониманіе міра К. Ф. не только „проповѣдавъ“ на лекціяхъ, но и проводилъ въ своей жизни — являя примѣръ непрерывнаго духовнаго горѣнія и отрѣшенія отъ материальныx интересовъ.

Освѣжиться душою около этого идеалиста-философа собирались не только его постоянные ученики, но и лица стоявшіе въ сторонѣ отъ систематического изученія лимитивной философіи, и потеря его будеть болѣзненно чувствоватьться многими и многими...

Всю жизнь онъ былъ вѣнчанъ партій и партіи заплатили ему холоднымъ безразличіемъ. Печально звучить тоска одиночки, не способнаго впрачься въ партійный или кружковый хомутъ: „Вездѣ чувствую я себя, какъ чужеземецъ... Я странникъ... Гдѣ же отдохну я?“.

Единственную партію признавалъ онъ — „союзъ добрыхъ“. Къ образованію такого союза для активной борьбы со зломъ міра во всѣхъ его проявленіяхъ и призывалъ покойный.

„Добрые всего міра, соединяйтесь“ — вотъ девизъ и завѣщаніе покойнаго профессора, этого страннаго и непонятнаго нашему времени человѣка, запоздавшаго родиться по крайней мѣрѣ на 500—600 лѣтъ, — такого чуждаго этому материалистическому вѣку, единственное оправданіе котораго развѣтъ только въ томъ, что въ немъ, этомъ вѣкѣ материализма, времена отъ времени могутъ рождаться Жаковы...

Проф. К. Ф. Жаковъ

Въ воскресеніе 24-го состоялось погребеніе усопшаго на Покровскомъ кладбищѣ — послѣ заупокойной обѣдни и отпѣванія, совершенныхъ преосвященнымъ Иоанномъ въ переполненномъ молящимися Соборѣ.

РУССКАЯ КНИГА

„МИТИНА ЛЮБОВЬ“. Каждая новая книга Ив. Бунина — это праздникъ. Праздникъ русского художественаго творчества, волей судебъ празднуемаго на чужбинѣ. И вотъ опять новая книга. Она озаглавлена „Митина любовь“ по названию большой повѣсти, которой она начинается. Кромѣ этой повѣсти въ книгѣ еще пятнадцать рассказовъ и стихи. Здѣсь еще не все собрано, что написано И. А. Бунинымъ за истекшій годъ. И находятся еще люди, утверждающіе что изсякаетъ творчество русскихъ художниковъ въ невольномъ изгнанніи...

„Митина любовь“ — это, быть можетъ, одно изъ самыхъ тонкихъ по изображенію психологическихъ переживаний произведеній Бунина. Это разсказъ о неудачной, трагически кончившейся любви чуткаго и богато одареннаго юноши. Но и вся русская жизнь опредѣленной эпохи и русская природа съ ея весной, все то, что, казалось бы, служить фономъ разсказа, до такой степени сливаются съ переживаніями героя, что все вмѣстѣ сплетается въ одну поэму непередаваемой прелести.

Хорошая и милая дѣвушка Катя, героиня поэмы. Она учится въ театральной школѣ, одной изъ лучшихъ среди тѣхъ, которыя расплодились въ достаточной мѣрѣ въ нашихъ столицахъ. Директоръ школы типъ довольно извѣстный: „Было же извѣстно, что онъ развращалъ ученицъ, каждое лѣто увозилъ съ собою какую-нибудь на Кавказъ, въ Финляндію, заграницу“. А тутъ еще дѣвушка безъ семьи, съ какой-то вольнодумствующей матерью. Она любить Митю, но стоитъ на краю болота, и ежеминутная ревность мучаетъ Митину душу. На экзаменѣ въ школѣ, среди похвалъ и рукоплесканій, онъ не можетъ не видѣть, что „ужаснѣе же всего была та смѣсь ангельской чистоты и порочности, которая была въ ней, въ ея разгорѣвшемся лицѣ, въ ея бѣломъ платьѣ... и окончательно замученный и любовью и ревностью, онъ уѣзжаетъ на время отдохнуть въ деревню.

Деревня... Поля, сады и лѣса, оживашіе вмѣстѣ съ весной, жизнь помѣщичьей усадьбы, поденныя работы дѣвокъ въ саду, типы крестьянъ... Ни въ какой рецензіи невозможно передать живой прелести Бунинскаго разсказа. Наступаетъ какое-то чародѣйство. Точно опять съ береговъ Сены Вы переноситесь въ глубь Россіи и дышите воздухомъ родныхъ Орловскихъ полей.

А у Мити все это сливается съ чувствомъ любви. Онъ счастливъ, когда получиль письмо Кати: „мой любимый, мой

единственный“. И новыя муки въ ожиданіи писемъ, которыхъ все нѣтъ, и мимолетная, словно въ отчаяніи, грубая животная связь съ поденщицей Алenkой и, наконецъ, письмо. „Не поминайте лихомъ, забудьте... Я дурная, я гадкая... я уѣзжаю — вы знаете съ кѣмъ... Не пиши мнѣ ничего, это бесполезно“. Митя стрѣляется.

Я прочиталъ повѣсть Ив. Бунина, прочиталъ его полные мысли и образовъ стихи и разсказы. Перечиталъ еще разъ. Глубокая радость охватила меня, какъ это бываетъ всегда передъ крупнымъ художественнымъ произведеніемъ. И не только радость, но и вѣра. Скажу ее словами Бунина:

И все-жъ придетъ, придетъ пора
И воскресенья и дѣянья,
Прозрѣнія и покаянья.

Того прозрѣнія и дѣянья, которому учать насть сладкимъ словомъ художники на чужбинѣ и которое принесутъ они съ собой домой на радость и гордость Россіи.

В. Лодыженскій

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

- „Студенческие годы“ — Журналъ № 5 (посв. „Русской женщины“)
 „Славянская книга“ — изд. „Пламя“ Прага
 Отъ кн.маг. „Вальтерсъ и Рапа“:
 „Благонамѣренный“ — лит. альманахъ кн. I Брюссель
 „Архивъ Русской Революціи“ — кн. XVII изд. „Слово“
 Берлинъ
 „Сборникъ ко дню русской культуры“ — Бѣлградъ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
В. Романовскаго
 РИГА, Вальдемара 17, тел. 46-70.
 Книги по всѣмъ отраслямъ знаній.
 Регулярное поступление всѣхъ новинокъ. Большой
 выборъ книгъ довоенныхъ изданій.
 При магазинѣ постоянная выставка картинъ.

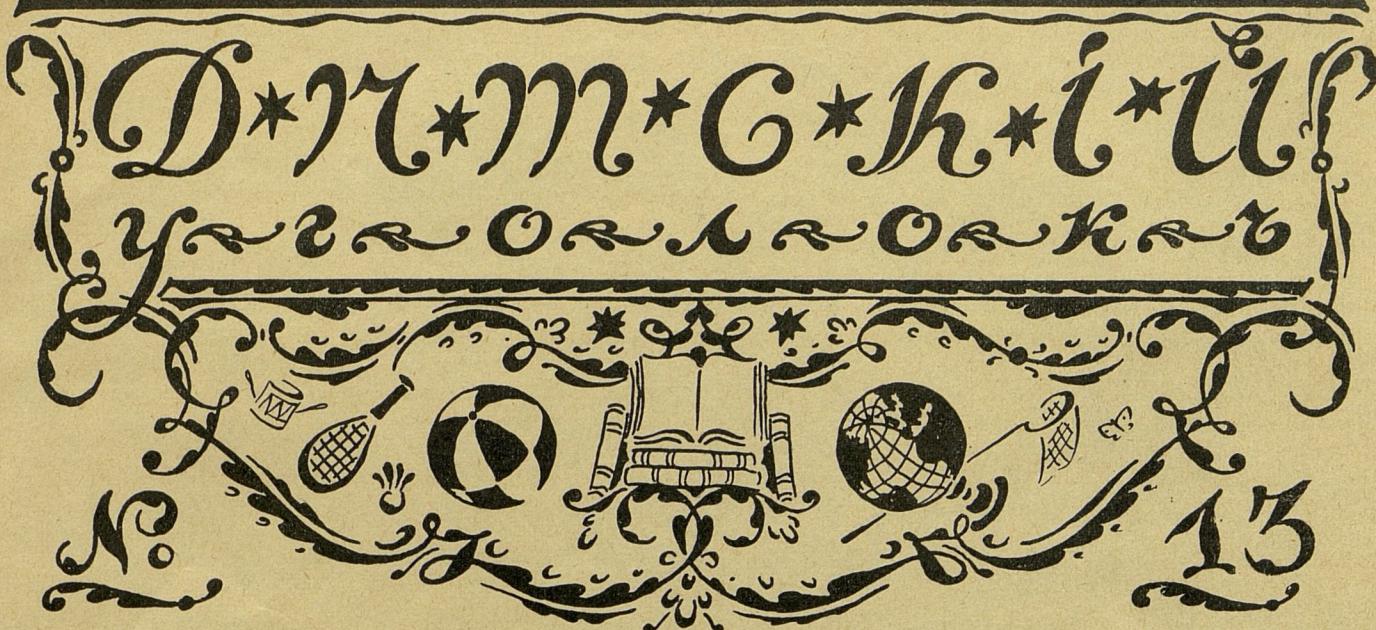
Объявлена подписка на „Перезвоны“ на 1926 годъ

На 3 мѣсяца (13 номеровъ)	$\left\{ \begin{array}{l} \text{въ Латвіи — 10 лат.} \\ \text{, Эстоніи — 850 эст. мар.} \\ \text{, Литвѣ — 25 литовъ} \\ \text{заграницей — 2 ам.дол.50 цент.} \end{array} \right.$
------------------------------	--

На 1 мѣсяцъ (4 номера)	$\left\{ \begin{array}{l} \text{въ Латвіи — 3 лата 20 сант.} \\ \text{, Эстоніи — 260 эст. мар.} \\ \text{, Литвѣ — 7\frac{1}{2} лита} \\ \text{заграницей — 75 ам. центовъ.} \end{array} \right.$
---------------------------	--

Въ отдельной продажѣ съ 1926 г. — 40 руб., заграницей — 20 ам. центовъ за номеръ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Перезвоны“ — Рига, Б. Кузнецкая 43. Подписная плата въ Латвіи, Эстоніи, Литвѣ и во всѣхъ странахъ можетъ вноситься во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почтов. текущій счетъ — Post tchek conto Riga № 916.

ГРАФЪ А. ТОЛСТОЙ

КУРГАНЪ

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.
Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина драалася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.
Когда же его скоронили,
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:
„О витязь, дѣлами твоими
Гордится великий народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ!
И если курганъ твой высокій
Сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганомъ твоимъ!“
И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли...
Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
Попрежнему гордо стоитъ;
А витязя славное имя

До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсиль чело?
Чью кровь проливаль онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?
Безмолвень курганъ одинокій,
Наездникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой,
Никто ужъ ему не свершить.
Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча.
Порой журавлина стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумить подлетая,
Садится на немъ отдохнуть.
Тушканчикъ порою проскачетъ
По немъ при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалого коня;
А слезы прольють развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣтъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ. —

Графъ А. Толстой

Въ нѣкоторомъ царствѣ жила-была старуха бѣдная, безпріютная. Былъ у нея сынъ, и захотѣлось ей отдать сына въ такую науку, чтобы можно было ничего не работать, сладко ъсть и пить и чистоходить. Только кого ни спроситъ, — всѣ ее на-смѣхъ подымаютъ.

— Ишь, чего захотѣла. Губа-то у тебя не дура. Хоть весь свѣтъ исходи, а такой науки не найдешь.

А старухѣ все неймется; продала свою избушку и говорить сыну:

— Собирайся - ка въ путь, пойдемъ искать легкаго хлѣба!

Вотъ и собрались они, пошли. Ходятъ изъ города въ городъ, гдѣ ни спросятъ, — никто даромъ учить не берется, а про хитрую-то науку, что надо старухѣ, никто и слыхомъ не слыхалъ. Исходили все царство, повернули назадъ. Идетъ старуха съ сыномъ, пригорюнилась.

Попадается имъ на-встрѣчу человѣкъ и спрашиваетъ старуху:

— Чего, бабушка, пригорюнилась?

— Какъ мнѣ, батюшка, не пригорюниться! — отвѣчаетъ старуха: — вотъ водила-водила сына, никто не береть безъ денегъ въ науку, какъ легкій хлѣбъ добывать, безъ работы сладко ъсть и пить и чисто ходить.

— Отдай мнѣ, я выучу, — сказалъ встрѣчной. — Ровно черезъ три года, въ этотъ

самый день, въ этотъ самый часъ приходи сюда за сыномъ; да смотри: коли не просорчишь, придешь во-время, да узнаешь своего сына, — бери его назадъ, и за ученье не возьму съ тебя ни копѣйки; а коли до трехъ разъ не узнаешь, — оставаться ему у меня навсегда.

«Какъ», думаетъ старуха, «не узнать своего родного дѣтища!»

Такъ обрадовалась старая, что и не спросила: кто такой встрѣчной, гдѣ живетъ; отдала сына и распрошалась съ нимъ на цѣлые три года;

— Живи, не тужи!

А былъ встрѣчной — послѣдній колдунъ. Другое, виши всѣ ужъ перемерли, а онъ одинъ съ своей дочкой остался.

Вотъ прошли три года; перебивалась старуха изо-дня въ день, не просорчила условнаго дня, съ утра забралась на то самое мѣсто, присѣла на камешекъ и ждеть. Подошелъ тотъ самый часъ, — идеть по дорогѣ колдунъ, увидалъ ее.

— Что, — спрашиваетъ, — за сыномъ пришла?

— За сыномъ, батюшка.

Засвисталъ колдунъ молодецкимъ по-свистомъ; откуда ни возьмись, вдругъ двѣнадцать пчелъ: жужжать вокругъ старухи; съ-испугу она только руками отмахивается. Усмѣхнулся колдунъ.

— Не бойся, старая. Тутъ и сынъ

твой. Выучилъ я его всѣмъ хитростямъ. Коли хочешь его, — узнавай и бери себѣ.

— Что ты меня дурачишь, добрый человѣкъ, — сказала старуха: — гдѣ тутъ быть моему сыну? Я дала тебѣ молодца, а это пчелы.

— Не пчелы, — отвѣчалъ колдунъ, — а двѣнадцать молодцовъ. Всѣ также искали легкаго хлѣба, попали ко мнѣ въ науку, да одинадцать-то изъ нихъ навсегда такъ при мнѣ и остались, — оттого-что родители не могли ихъ признать; двѣнадцатый — твой сынъ; не признаешь, — и ему при мнѣ оставаться на-вѣки вѣчные.

Поблѣдила старуха, такъ и затряслась.

— Батюшки - свѣты! да какъ - же мнѣ признать-то? Всѣ одна въ одну...

Тутъ одна пчелка какъ подлетитъ къ старухѣ да хлопнетъ ее въ щеку, — старуха звизгнула, въ сторону шарахнулась.

— Ахъ ты, проклятая!

— Ну, такъ что-же: не признаешь? — спросилъ еще разъ колдунъ.

— Не признаю.

— Такъ приходи-же теперь за сыномъ черезъ другіе три года. Пчела-то, что хлопнула тебя по щекѣ, и былъ твой сынъ.

Заплакала старуха и воротилась назадъ одна - одинехонька. Выждала три года и опять идетъ за сыномъ. Пришелъ колдунъ, свистнулъ своимъ молодецкимъ посвистомъ, и прилетѣло двѣнадцать бѣлыхъ голубей.

— Узнавай сына! — говоритъ старухѣ.

Вотъ она смотрѣла-смотрѣла: всѣ двѣнадцать перо въ перо, хвостъ въ хвостъ, голова въ голову равны: какъ тутъ узнать! Всѣ сидятъ смирно, а одинъ-то голубь нѣтъ-нѣтъ да носикомъ перышки и давай обчищать. Видитъ старуха, да не-вдомекъ ей.

— Нѣтъ, — говоритъ, — не признаю.

— А этотъ-то, что перышки обчищалъ, и есть твой сынъ, — сказалъ колдунъ. — Приходи-же опять черезъ три года; то будетъ послѣдній разъ: коли и тогда не угадаешь, — простись на-вѣки съ сыномъ.

Прошли еще три года; идетъ старуха за сыномъ въ послѣдній разъ. Свистнулъ колдунъ своимъ молодецкимъ посвистомъ, — и прибѣжало двѣнадцать жеребцовъ: всѣ на одну стать, одной масти, вороные, и гривы на одну сторону.

— Ну, который-же твой сынъ?

Разъ прошла старуха мимо жеребцовъ, — ничего не примѣтила; въ другой про-

шла — тоже ничего; а какъ проходила въ третій разъ, — одинъ жеребецъ и топни о-земь копытомъ. Догадалась тутъ старуха, указала:

— Вотъ мой сынъ!

— Узнала, матушка, узнала! — сказалъ колдунъ. — Не ты мудра-хитра, мудрѣхитеръ твой сынъ! Да дѣлать нечего, бери его домой.

А конь ужъ оборотился молодцомъ, и пошла она съ сыномъ домой.

— Ну, матушка, — говоритъ сынъ: — каково тебѣ жилось безъ меня?

— Охъ, холодно, голодно! — сказала старуха. — И крыши то у избенки нечѣмъ починить, и перекусить-то нечего.

— Ста рублей тебѣ на первый разъ будетъ?

— Ста рублей? — вскричала старуха.

— Да я въ жизнь свою ста рублей заразъ не видѣла. Гдѣ они у тебя?

— Погоди. Слушайся только меня. Видишь, охотники скачутъ?

Смотрѣть старуха, — и впрямь, на-встрѣчу охотники скачутъ, звѣря краснаго промышляютъ: впереди лиса бѣжитъ, отъ нихъ уйти норовитъ.

— Я обернусь гончей, — говоритъ сынъ, — схватчу лисицу. Какъ станутъ охотники отбивать звѣря, скажи имъ: «Господа охотники, это мой песъ, я тѣмъ голову свою кормлю! «Станутъ они меня торговатъ у тебя, а ты требуй сто рублей. Да только, чуръ, смотри: ошейника не продавай.

Сказалъ такъ-то, да въ ту-же минуту ударился о-земь и оборотился гончей, на-гналъ лисицу и схватилъ ее. Наѣхали охотники, напустились на старуху:

— Ахъ ты, старая, что нашу охоту перебиваешь!

— Господа охотники, — сказала старуха, — это мой песъ, я тѣмъ голову свою кормлю.

— Продай намъ пса, — говорятъ охотники.

— Купите.

— А что просишь?

— Сто рублей.

— Эй, старуха, не дорого-ко-ли будеть?

— Нѣтъ, кормильцы, не дорого: сами видите, каковъ звѣрь-то!

Отсчитали ей сполна всѣ сто рублей. Только стала-было старуха ошейникъ сни-

матерь, — куда! охотники и слышать не хотятъ, упираются.

— Я ошейника не продавала, — говоритъ старуха: — я продала одну собаку.

А охотники: Нѣтъ, нѣтъ! кто купилъ собаку, тотъ купилъ и ошейникъ.

Старуха подумала-подумала: «Вѣдь и впрямь, безъ ошейника нельзя купить собаки!» и отдала ее съ ошейникомъ, забрала деньги и пошла домой.

Вотъ охотники ъдуть себѣ да ъдуть; глядь — бѣжитъ лисица. Пустили за нею гончихъ; тѣ гоняли-гоняли, не могли догнать.

— Пустимъ-ка, братцы, новаго пса! — говоритъ одинъ охотникъ. — Посмотримъ-ка его прыти.

Только пустили и, — смотрятъ: лиса бѣжитъ въ одну сторону, песъ въ другую — и убѣжалъ за старухой. Нагналъ ее, ударился о-земль и сдѣлался молодцомъ попрежнему.

— Эхъ, матушка! — говоритъ, — зачѣмъ съ ошейникомъ продала? Ну, не повстрѣчай мы лисицы, я-бы не воротился: такъ-бы и пропалъ ни за что!

Воротились они домой и живутъ по-маленьку. Крышу починили, ъдятъ не сыто, не голодно, да избушка вся ветхая, того гляди—повалится, вѣтеръ въ щели такъ и свищетъ, да и въ кошелѣ уже стало по-свистывать: изъ ста-то рублей еле сто сто копѣекъ осталось.

— Эхъ, сыночекъ! — говоритъ старуха, — вотъ кабы было чѣмъ лѣсу купить да новую избенку выстроить!

— А двухсотъ рублей тебѣ будетъ?

— Двухсотъ рублей! да мы не избенку — избу цѣлую выстроимъ.

— Ну, такъ слушай. Обернусь я птичкой, понеси меня на базарь и продай за двѣсти рублей. Только, чуръ, клѣтки не продавай, — не то домой не ворочусь.

По сказанному, какъ по писанному, ударился о-земль, сдѣлался райской птичкой — ну, краше не бывало! Посадила ее старуха въ клѣтку и понесла продавать. Обступили старуху люди, на-перебой торгуютъ дивную птичку: такъ она всѣмъ показалася! А колдунъ тоже тутъ-какъ-тутъ, призналъ старуху и догадался, что у ней за птичка въ клѣткѣ сидитъ. Спросила она двѣсти рублей; тѣ заторговались, а

онъ, не торгуясь, выложилъ всѣ деньги и взялъ клѣтку.

— Погоди, погоди, — говоритъ старуха, — я клѣтки не продавала.

Заспорилъ колдунъ; туда-сюда, да, благо, добрые люди вступились, не дали отнять у старухи ея клѣтку. Дѣлать нечего: взялъ колдунъ одну птичку, завернула въ платокъ и понесъ домой.

— Ну, дочка, — говоритъ дома дочери, — купилъ я опять нашего молодца!

— Гдѣ — же онъ? — покажи.

Распахнулъ онъ платокъ, а птичка какъ юркнетъ изъ рукъ, — прямо въ открытое окошко, поднялась вверхъ, сердечная, и скрылась съ глазъ, только хвостъ показала!

Пришла старуха въ избенку, оглянулась — анъ сынъ ужъ вслѣдъ идетъ.

— Спасибо, — говоритъ, — родная, что на этотъ разъ не выдала.

Выстроили избу на-славу. Только смотрѣть старуха въ окошко на дворъ да поохиваетъ.

— Что съ тобою, матушка? — говоритъ сынъ, — аль, неможется?

— Ничего, голубчикъ, — говоритъ старуха, — да, вонъ, какъ погляжу: изба избой у насъ, а во дворѣ хоть шаромъ покати — ни коровушки, ни лошадки, ни свинки, ни курки.

Этому-то можно помочь, — говоритъ сынъ. — Я обернусь нынче жеребцомъ, веди меня на ярмарку и бери триста рублей. Только смотри: жеребца продавай, а узды — ни-ни!

Ударился о сырь-землю и оборотился жеребцомъ; повела его старуха на ярмарку продавать. Обступили старуху торговые люди, все барышники: тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а старуха просигъ того дороже, триста рублей — ни копѣйки не спускаетъ. Откуда ни возьмись колдунъ, узналъ опять.

«Вотъ мой супостатъ! будешь меня помнить!» думаетъ про себя.

— За сколько жеребца продаешь, старуха? — спрашиваетъ.

— За триста рублей. Меньше не возьму.

— Вотъ тебѣ всѣ триста.

Бросилъ ей деньги и вскочилъ на коня. Хотѣла-было старуха узду снять; пхнуль онъ ее на-земль, усмѣхнулся:

— Что ты, бабушка! гдѣ это видано,

чтобы коня безъ повода продавать. Эй, поберегись!

Удариль по коню — и быль таковъ! Только тутъ догадалась старуха, кто купилъ у ней сына: горько заплакала и деньгамъ не рада.

А колдунъ три дня, три ночи ъздили на лихомъ жеребцѣ, скакалъ безъ отдыху по горамъ, по доламъ, пока совсѣмъ не упарили; тогда поѣхалъ домой, привязалъ коня за кольцо къ столбу туго-на-туго, притянуль голову такъ wysoko, что еле дышать можно; самъ вошелъ въ избу и хвалился передъ дочкой:

— Ну, теперь ему не уйти,— говоритъ, — шабашъ!

— Кому это, батюшка?

— А нашему молодцу. Вонъ на дворѣ привязанъ стоитъ.

Побѣжала дѣвица посмотретьъ коня; видѣть: стоитъ конь, до смерти измученный, весь въ мылѣ, а голова совсѣмъ кверху подтянута.

— Ахъ ты, бѣдный!— говоритъ,— какъ тебя изъѣздили батюшка, какъ подвязалъ! А нѣть того, чтобы напоить, накормить.

Захотѣла подлиннѣе отпустить поводъ, стала распутывать да развязывать, — конь тѣмъ временемъ какъ вырвется изъ рукъ.

— Спасибо, красная! — крикнулъ ей человѣческимъ голосомъ, бросился въ чистое поле и пошелъ версты отсчитывать.

Побѣжала дочь къ отцу.

— Ай, батюшка, — говоритъ — прости! Грѣхъ меня попуталъ, коня упустила.

Какъ услышалъ про то отецъ, мигомъ хлопнулся о сырь-землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню. Вотъ-вотъ близко; вотъ настигнетъ, въ клочки разорветъ! Слышишь конь погоню,— ударился о-земль, полетѣлъ по поднебесью бѣлымъ лебедемъ. Волкъ тутъ-же перекинулся чернымъ коршуномъ и летитъ за нимъ слѣдомъ. Нагоняетъ коршунъ лебедя: вотъ-вотъ ударить! Видѣть лебедь, внизу рѣка течеть,— бултыхъ прямо въ воду, обернулся ершомъ, ощетинился. А коршунъ за нимъ щукою,— не отстаетъ, что хошь. Ершъ живо въ ракову норку: щука-де ерша еще не береть съ хвоста.

— Эй, ты, ершъ, говоритъ щука, — повернись головой: я тебя сѣмъ.

— Врешь, проклятая щука!— отвѣчаетъ ершъ: — ерша не сѣшь, подавишился. А коли ты, щука, востра, — глотай ерша съ хвоста!

И такъ стояли трое сутокъ. Вздремнулось наконецъ щукѣ, а ершъ шмыгъ изъ

норы и побѣжалъ водою дальше; бѣжалъ-
бѣжалъ, добрался къ плотамъ, гдѣ цар-
ская дочь бѣлье мыла, прыгнулъ изъ воды,
перекинулся золотымъ кольцомъ, да прямо
подкатился къ ней подъ ноги. Подняла
царевна кольцо, надѣла на пальчикъ, и
любуется, а сама говоритъ:

— Кабы по этому колечку да найти
мнѣ добра молодца — жениха себѣ!

А щука уже тутъ-какъ-тутъ, оберну-
лась добрымъ молодцемъ; подошелъ моло-
децъ къ царевнѣ, а самъ-то разбойникомъ
высматриваетъ:

— Такъ и такъ,—говорить,—подняла
ты мое колечко, отдай назадъ, да и вы-
ходи за меня.

Осерчала царевна — страсть, сдернула
кольцо съ пальчика и бросила на землю.

— Какъ-бы не такъ!—говорить.

А колечко разсыпалось мелкими зер-
нами, и одно зернышко подкатилось ца-
ревнѣ подъ башмачекъ. Колдунъ мигомъ
обернулся пѣтухомъ и давай клевать зерна:
поклевалъ все, взлетѣлъ на окно, захло-
палъ крыльями и закричалъ:

— Кукурецку! кого хотѣль, того и съѣль!

Тутъ выкатилось изъ-подъ царевнина
башмачка послѣднее зернышко и обороти-

лось яснымъ соколомъ. Бросился соколъ
на пѣтуха, запустилъ въ него свои острые
когти, сталъ щипать-теребить — только
перья сыплятся!

— Ой, отпусти, любезный!—закричалъ
пѣтухъ.

— Врешь, братъ! — отвѣчалъ соколъ;
не бывало того, чтобы соколъ пѣтуху
спуску давалъ.

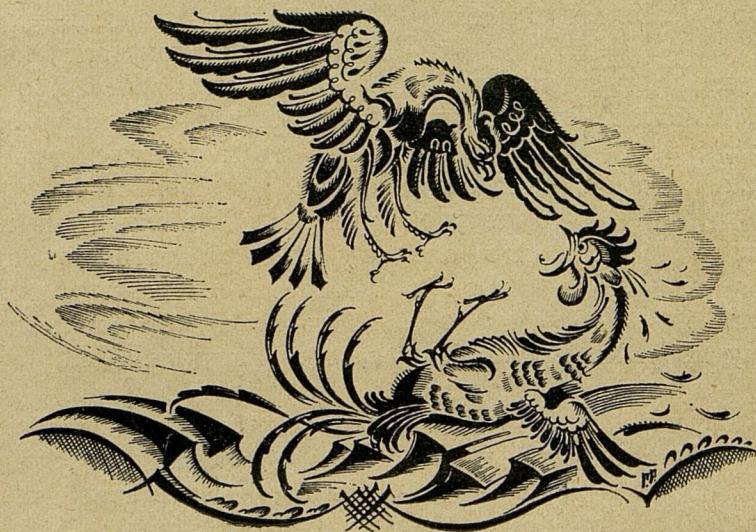
И разорвалъ его на-двоемъ.

Потомъ ударился о сырь-землю и сталъ
такимъ красивымъ, что ни вздумать, ни
взгадать, ни перомъ написать. Царевнѣ
онъ такъ приглянулся, что сейчасъ же за
него и вышла, еле поспѣлъ позвать на
свадьбу мать-старуху. А ужъ какъ обра-
довалась старая — и сказать нельзя!

— Вотъ, моль, не думала, не гадала,
а въ царицы попала! Ну, спасибо-жъ тебѣ,
родимый, утѣшилъ на старость, добылъ
легкаго хлѣба!

Добылъ онъ легкаго хлѣба, да съ той-
же поры и перезабылъ свою науку. И
сколько послѣ того другихъ не ходило за
легкимъ хлѣбомъ, никто уже не находилъ:
съ послѣднимъ колдуномъ сгинула и хит-
рая наука.

В. П. Авенаріусъ

ЗАГАДКА № 8

Раздѣлите 45 на четыре неровные части
такъ, чтобы, если первую часть умножить на
2, вторую — раздѣлить на 2, къ третьей —

прибавить 2, а отъ четвертой отнять 2, полу-
чалось бы каждый разъ одно и то же число.

Отв. ред. худ. части: А. Прандэ.

Отв. ред. С. А. Бѣлоцвѣтовъ.

Отъ Издательства „Перезвони“.

Въ виду оборудованія собственной цинкографіи Издательство „Перезвони“ получило возможность увеличить въ каждомъ номерѣ количество цвѣтныхъ репродукцій, столь необходимыхъ для полноты освѣщенія творчества художниковъ, а потому со слѣдующаго номера (№ 14) въ журналѣ будетъ помѣщаться по 4 цвѣтныхъ репродукціи вмѣсто прежнихъ 2 и одновременно объемъ журнала увеличенъ до 36 страницъ текста (не считая цвѣтныхъ репродукцій).

Принимая-же во вниманіе необходимость повышенія платы при этомъ и затруднительность для значительной массы русской эмиграціи пріобрѣтать 4 раза въ мѣсяцъ, журналъ хотя-бы и не по высокой цѣнѣ — Издательство

- 1) переходитъ на **выпускъ журнала лишь два раза въ мѣсяцъ,**
- 2) плату повышаетъ лишь **до 50 рублей за номеръ.**

Такимъ образомъ, при платѣ въ 100 руб. въ мѣсяцъ читатель получитъ то-же число цвѣтныхъ репродукцій, что и раньше за 160 руб., при незначительномъ лишь сокращеніи общаго числа одноцвѣтныхъ репродукцій и литературнаго матеріала въ двухъ номерахъ увеличенного объема противъ 4 прежнихъ.

Цѣна номера, начиная съ № 14, — въ Латвіи 50 руб., заграницей 25 ам. цент.

Подписная плата съ 1 марта

на 3 мѣсяца въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 литовъ
заграницей — 1 дол. 50 цент. amer.

на 1 мѣсяцъ въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 литовъ,
заграницей — 50 ам. цент.

Подписная плата за **комплекты Январь-февраль** (5 №№ прежняго объема и 1 увеличенного):
въ Латвіи — 250 руб., съ Эстоніи — 400 эст. мар., въ Литвѣ — 12 литовъ, заграницей — 1 дол. 25 цент.

Комплектъ за 1925 г. — №№ 1—8 высылается:
за 6 латовъ въ Латвіи, 15 литовъ въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. ам. заграницу.

Подписная плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек.
счетъ № 816 — Riga Post-Schek Conto № 916.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“

Открыта подписка на

„Юный читатель“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

(подъ редакціей Л. КОРМЧАГО)

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ

Въ каждомъ номерѣ разсказы, приключенія, путешествія, очерки жизни
разныхъ странъ и народовъ, обзоръ новѣйшихъ открытий и изобрѣтеній.

Большой конкурсъ „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“ на премію стоимостью

ВЪ СТО ЛАТЪ (5000 руб.)

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: увлекательный романъ изъ жизни американского
школьника съ оригиналыми иллюстраціями
художника Г. Дайбера.

Журналъ богато иллюстрированъ. Художественная обложка работы Н. ПУЗЫРЕВСКАГО.

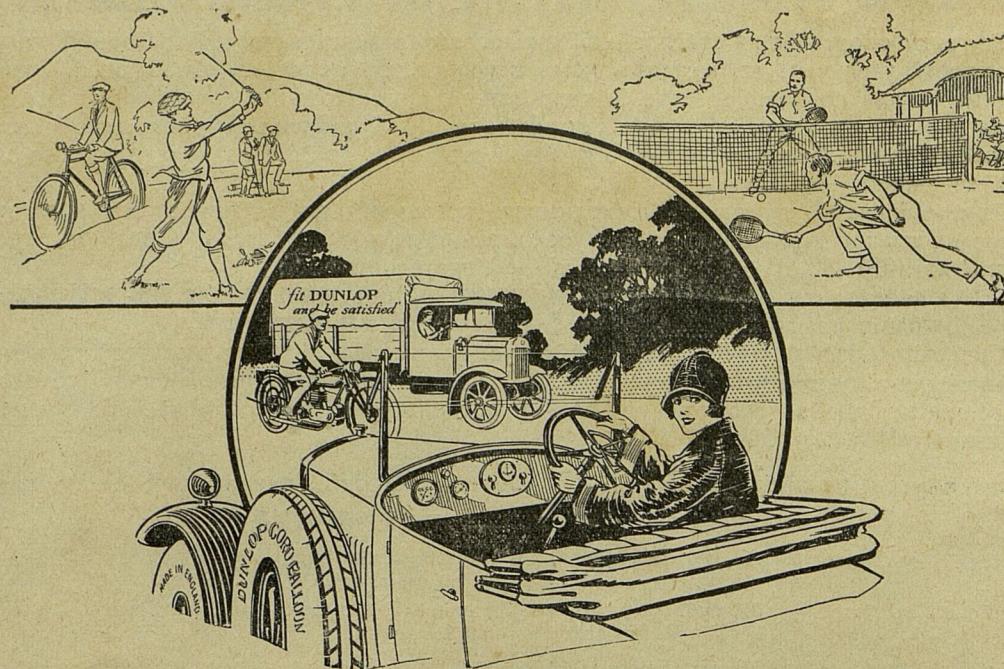
Подписная плата: на годъ въ Латвіи 10 латъ, на $\frac{1}{2}$ г. 5 л.; заграницу на годъ 3 дол., $\frac{1}{2}$ г. 1 дол. 50 ц.

Редакція и контора: Рига, Вальдемарская 63, Тел. 2-73

Автомобильные шины DUNLOP

Автопринадлежности

DUNLOP

Велосипедные шины

DUNLOP

Мячи для тенниса DUNLOP

DUVAC LTD.

Телефонъ 4320 и 830.

Известковая 1

Rebeco
für die Zähne

Теперь
время для
употребления
NIVEA!

Мокрая и сырая по-
года требует умъ-
лого ухода за кожей.
Кремъ NIVEA благо-
даря своему особенному
составу — присутствию
Еисеріа, не может быть
замѣненъ другимъ.
Лишь при употреблениі
этого крема кожа дѣла-
ется мягкой и нѣжной.

Мыло NIVEAU содержитъ
естественный пчелиный
воскъ, благодаря чему
Ваша кожа становится
мягкой.

Для зубовъ употребляйте
всегда
РЕБЕКО!

Nivea
für die Haut

Всѣкушаютъ халву
греческой фабрики

Бр.
И. и Н. Манкосъ
А ВЫ?

Каждый кусокъ хал-
вы снабженъ клей-
момъ нашей фирмы.

Адресъ фабрики:
Рига,
Гоголевская 7-а.
Тел. 65-12.

Всѣ твердятъ наперебой:
Хорошо печетъ Алой!

Спеціальная фабрика баранокъ

Бол. Московская ул. 14-16, тел. 83-06.

A. Ратфельдеръ

Сѣдельный мастеръ бывш. И. Пардумъ, осн. 1875 г.
Рига, Известковая ул. 23. Тел. 61-45.

Дорожные, спортивные и военные принадлежности.

Постоянно большой выборъ изъ собств.
мастерской по самымъ умѣрен. цѣнамъ.

Сундуки — чемоданы изъ кожъ и
Амер. вулкан. Фибрь.
Дорожн. сумки, саквояжи и мѣшкы.
Портфели. Бумажники. Ранцы.
Англ. военные ремни.
Гетры — стеки — футбольы — бутсы.
Шпоры и петлицы. Спортомъ и въ роз-
ницу и т. д. и т. д.
Заказы и починки исполняются точно и
аккуратно. Образцовые сундуки ис-
полняются только по мѣркѣ.

===== Послѣдняя =====
мода въ дамскихъ сумкахъ.

ІЗДАНІЯ Акц. О-ва Печатн. Дѣла „САЛАМАНДРА“

Б. Кузнецкая ул. № 43.

Учебники Н. В. Кузнецова:

1) Практич. курс русск. правописания с самодиктантами, 2 изд.	1.20
2) Элемент. курс русск. грамматики с самодиктантами (этимология и синтаксис для 2 и 3 кл. основных школ, 2-ое переработ. издание	1.30
3) Настольн. Хрестоматия с элемент. сведен. по родиноведен. (1 книга после букваря)	1.70
4) Настольн. Хрестом. 2 часть — для 2 и 3 кл. основной школы	1.90
5) Новый иллюстрирован. сборник упражнений в письмен. изложении мыслей в связи с элементарн. сведениями из синтаксиса. Выпуск I. — для дошкольн., I-го и II-го класса основной школы	1.30
6) То же II-ой выпуск для 3-го и 4-го клас. основной школы	1.60
7) Пособие к сознат. чтению научныхъ и художеств.-литер произведений. Контрольн. тетрадь для внеклассн. чтен. и для изучен. индивидуальн. учащихся40
Кроме того в издании автора Н. В. Кузнецова вышли учебники по арифметике	
8) Новые сборники арифм. задач; вып. I. — цена 1. лат. 30 сант., вып. II. — 70 сант., вып. III. — 1 лат., вып. IV. и V. по 1 лат. 50 сант.	
9) Сравнит. таблицы мер и весов (съ образцами вычислений)70
Сборник юрисп. мин. юст. П. П. Якоби и Г. П. Элерсь. Законы о печати, о зрелищахъ, о политич. организац., собранияхъ, о борбѣ съ пьянствомъ и др.	2.50
Vestmāulas pasakas, Rob. Bērziņa; Ilustrejis A. Drekslers. (Cena Ls. 2.—)	2.—

80 рт

Оптика

OKO

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Фотографія

Рекламный домъ
"Колоколь"
Бл. Кузнецкая 45.
Телефонъ 27-27.

Приемъ объявлений для всѣхъ газетъ и журналовъ. Составленіе объявлений. Плакаты, этикеты, упаковки. Исполненіе всевозможныхъ художественныхъ работъ на стеклѣ, жести и т. д. Диапозитивы. Худож. печатн. произв.

Представители
газеты „Слово“, журнала „Перезвонь“ и „Юный читатель“.

Собственный рекламный отдѣль.

Вы напрасно не ищите
Крема лучше не найти
Лучше всѣхъ остался „Vici“
Въ нашемъ жизненномъ пути.

Обувь

Прочная

Элегантн.

для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либава: Зерновая ул. 33

Виндава: Замковая ул. 24

Двинскъ: Рижская ул. 9

На выставкѣ въ Либавѣ 1925 г. — золотая медаль

Я.НОГАЛЕРЬ.
15, Извѣстковая, 15.

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайский цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“)
наивысший по качеству и превосходный по аромату.